

Блейк Ирэн

Шкаф

Ирэн Блейк

Шкаф

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69873754

SelfPub; 2023

Аннотация

Стоит ли покупать предмет мебели, за который продавец требует странную плату – монетами? Но что порой ни сделаешь ради прихоти любимой супруги. Компания друзей, собравшаяся в частном доме, никак не ожидала, что может попасть в невероятно жуткую историю. Ведь гости с хозяевами намеревались лишь отдохнуть и повеселиться на выходных! А тут вдобавок надвигается стихийное бедствие.

Ирэн Блейк

Шкаф

От нашей съёмной квартиры до деревни Петровки, по предварительному расчёту, ехать часа четыре. Жена попросила купить шкаф и забрать его оттуда, да ещё расплатиться монетами. Эдакая мудрёная прихоть, но я горячо любимой супруге ни в чём не могу отказать. Она любила облагораживать интерьер дома, реставрировать и переделывать, разукрашивая, старинные вещи. Затем что-то продавать и что-то оставлять для себя. Шкаф нашла на одном форуме и очень приглянулся.

Я выехал, едва рассвело, подобрав по пути кореша. Он стоял на остановке: высокий, тощий и хмурый, как грозозная туча, да руки привычно спрятаны в карманы джинсовых шортов, как бы всем сообщая: мол, кусаюсь, не подходи.

Но, стоит встретиться с ним взглядом, замрёшь на месте, на пару секунд утонув в серых глазах, пронизывающих насквозь искрометным добром, как солнечный лучик воду в колодце, и сразу то первое впечатление его нарочитой мрачности пропадает; ведь нутром знаешь, что он действительно хороший парень. Такие чудачки, как Леший, он же Лёшка Пасечников, по жизни не предают.

Мы дружим уже лет восемнадцать, прикину: с двенадцати лет ходим, что не разлей вода, а значит, считай, пробежало

больше, чем половина моей жизни: в конце января с размахом планирую в собственном новом доме отмечать юбилей.

Он зевал всю дорогу, не в силах комфортно устроиться на сиденье, чтобы подремать. Мельком глянешь на кореша, увидишь, как длинные тощие ноги Лешего упираются в приборную панель, и, как ни крутись, ему высоченному и нескладному в «ниве» не развернуться.

И всё же он не отказал поехать со мной в глухомань, к чёрту на кулички. Вот это ценю.

Дорога за городом – сплошные колдобины да выбоины в прохудившемся асфальте. Бух-бух, снова и снова проваливаешься в очередную яму. Куда тут расслабишься, разве что отвлечёшься музыкой.

Мы дружно на пару щёлкали радио, бурчали, пока не находили прогоняющие сон мотивчики. А Леший отбивал ритм, постукивал по коленям пальцами, вынуждая меня присоединиться к его подпеванию Кипелову.

Моего терпения выносить его раскатистый бас хватало минут на пять, а затем я тоже начинал тянуть нашу любимую: "Я свободен".

За окном чередой проносились зелёные поля да смешанные леса. Стволы тянущихся к свету берёз с раскидистыми кронами, ольха и выродившийся орешник, одинокие пятакки сосен, холмы с синеватой чернотой леса, уходящего к горизонту, и редкие, чаще заброшенные домишки – остатки былых деревень. Ещё реже попадались амбары да скотовод-

ческие фермы.

Стремительно таяла утренняя прохлада, в летний денёк незаметно подкрадывался полдень, а раскалённая монета солнца, точно подброшенная щелчком, взлетала к зениту, изжаривая голубизну небес беспощадным зноем.

Возле искусственных водоёмов паслись разномастные коровы, в надежде спастись от прожорливых слепней.

Мы взмокли. В раскрытые окна влетал иссушающе жаркий воздух, точно от включённого на полную мощность обогревателя.

Незаметно выпили бутылку минералки, не раз вытирали лбы и переднее стекло салфеткой, расчищая от налёта пыли. Казалось, вместе с залетевшим ветром пыль оставалась везде: на руле, на приборной панели, на коже и на одежде. Так и пролетали один за другим однообразные в своих пейзажах за окном километры.

Радио давно заглохло, вырубленное Лешим на какой-то неудобоваримой театральной постановке.

Мой смартфон держал всего одну полоску зарядки, а на дороге за час езды мимо нас не пронеслось ни одного автомобиля. Точно мы действительно ехали в некое оторванное от цивилизации место.

Ещё пара километров выщербленного лютой зимой шоссе до чётко обозначенного на карте поворота. Там, за леском, должна находиться Петровка. И, как назло, мотор чихнул, затем заглох, едва мы подкатили к чахлым кустикам, росшим

у прилеска. Дальше остатки асфальта исчезали в глинобитной колее.

Пришлось выходить из машины, матюгаться да давиться от злости тёплой минералкой. Что с двигателем – непонятно. С виду под капотом всё нормально: ни дыма, ни потёков, ни пара, а вот же «нива» не заводилась. Хренотень какая-то.

Многочисленно переглянувшись с Лешим, который нахлобучил на самый лоб бейсболку, я сцапал с заднего сиденья затёртую рыболовную панаму да взял из бардачка деньги и смартфон, закрыл машину. Вздохнул и, собравшись с духом, точно попутным ветром подгоняемый усиливающимся недовольством да прущей изнутри злобой, повесил через плечо сумку и первым ступил на едва различимую тропинку, змеюкой скользящей в тёмном лесу, будто бы даже вовсе не хоженном человеком.

С каждым шагом вглубь невыносимо звонко пищали кусачие комары, и вокруг головы проносились тучи кровососущей мошкары. Воняло прелыми листьями и какой-то едва различимой гнильцой, но стоило подуть ветру, как она пропадала. И больше ни единого признака жизни вокруг: ни звука, ни треска, ни затаённого щебетанья птицы где-то в глубине леса. Только корявые деревья с покрытой мохом корой, плешивые пни с россыпью поганок да громоздкий исполин-папоротник, через который буквально приходилось пробираться, раздвигая его руками.

Наконец, мрачный лес остался позади. Мы вышли на

предгорок с заброшенными домами, с покосившимися заборами, гнилой просевшей крышей да выбитыми стёклами. Впереди уходила длинная, заросшая бурьяном дорога на холм, где за высоким тёмным забором смутными очертаниями угадывался выступающий за ним огромный домина.

Мы шли вперёд, молчали – и то и дело у меня возникало чувство нереальности происходящего, будто заблудились и попали совсем в другое место.

По пути возле обветшалого дома стоял запущенный колодец со сломанным журавлем. Рядом огромный вековой дуб с редкими листочками, расколотый надвое молнией, и стылая тишина вокруг: ни кошки, ни собаки, ни хлопанья крыльев пролетающей в небе птицы, даже солнце здесь точно проходило сквозь сумеречный фильтр, выгибая из предметов на землю неестественно глубокие тени.

Корявый знак на чёрном деревянном столбе с оборванными проводами указал, что мы всё-таки пришли по адресу. "Петровка". Красные буквы на белом фоне таблички давно выцвели, точно потёки гуаши от дождя.

– У меня мурашки бегут по коже от этой деревеньки, – хмыкнул Леший и поёжился.

Я кивнул, нутром ощущая стрёмность этого безжизненного места. А сам нарочно бодро сказал:

– Не бойсь, чувак, раз здесь что-то продаётся, значит – и живые люди найдутся. Топаем дальше, – показал я рукой в сторону холма.

Леший вздохнул.

На небо потихоньку набегали тучи.

Мы взобрались на холм, изрядно вспотев. Открыли поржавевшую калитку с пиками наверху и по практически вросшим в землю плиткам подошли к массивной двери, на которой вместо привычной ручки было железное кольцо. И только собрались постучать, как дверь открылась сама. Из тёмного проёма выглянуло носатое, какое-то скособоченное лицо, что сразу и не различишь, мужчина это или женщина.

Крупные узловатые пальцы вцепились в дверь, придерживая её. Резкий неприятный голос, точно рык животного, вырвался из тонкой прорези рта.

– Заходите, хозяин уже вас заждался, – обронил определённо Он, а не она, и сразу скрылся в темноте, только мелькнули неестественно широкие плечи на низкорослом теле.

В доме было сумрачно, даже несмотря на лёгкие воздушные шторы, и чисто, но нос всё равно засвербел от запах пыли, старости и запустения. Что выглядело не иначе, как странно. Всё сверкает и блестит, откуда бы тогда запаху взяться?

Мебель в доме добротная, старинная и даже чуток помпезная, подходящая больше женскому будуару, чем обыкновенному деревенскому дому. Высокие потолки украшал затейливый узор и лепнина, а сверкающие хрустальные люстры с диковинными узорами морд экзотических химер и всевозможных гадов ползучих, наверное, стоили целое состоя-

ние.

– Электричества в доме нет, – пояснил наш провожатый, внешностью и пёстрой одеждой напоминающий карлика-силача из цирка. Предупредив, что в коридоре темно, сопровождающий открыл перед нами дверь и зажёл масляную лампу.

Я моргнул, избавляясь от наваждения, что идём вечность, точно в пещере, а стены ослизли, и потолок сочится влагой – и прямо над головой что-то шуршит в гигантском коконе-паутине. Стук в дверь привёл меня в чувство. Рядом стоял Леший. Я моргнул. Всё снова в норме.

Жёлтое пламя сквозь ламповое стекло в руке карлика освещает паркет и дощатые стены. Очень тёмная, почти чёрная дверь, тоже с бронзовым кольцом вместо ручки. Брр. Откуда-то повеяло сквозняком. Я вздрогнул. Карлик (нет, называть его так – грубо, лучше просто низкорослый мужчина) постучал кольцом в дверь три раза. Прогрохотало. Тук-тук тук.

– Войдите, – глухо отозвался кто-то изнутри, точно болел простудой и кутался в шарф.

Мужчина в полосатом костюме и вязаной шапочке сидел за письменным столом у окна и, несмотря на воздушную кружевную штору, внезапно показавшуюся мне плотной паутиной, будто бы прятался в тени. В камине едва полыхал огонь, большими красными глазками тлели за оградой угли, а воздух в комнате оказался неприятно спёртым. Я сразу почув-

ствовал себя неудобно и начал потеть. Напротив зеркала на треножке, в дальнем конце комнаты, то ли ещё чего-то занавешенного чёрной тканью стоял шкаф. Он ничем эдаким не выделялся из подобных предметов мебели, но сразу же целиком и полностью увёл моё внимание от хозяина к собственной персоне. Двухстворчатый, на крепких ножках. Старинный, с ящиками внизу и дверцами на петлях, он почти касался потолка, напоминая древесного исполина. Шкаф просто был. Просто заставлял смотреть на себя, оценивать слегка грубоватые контуры и в то же время великолепную работу плотника.

Леший стукнул меня в плечо, приводя в чувство. Я очумело посмотрел на него. Мужик за столиком что-то говорил.

– Здравствуйте, – сказал я и извинился за рассеянность.

– Ничего страшного. Такое уж шкаф иногда производит впечатление, – сухо сказал мужчина и, отодвинув стул, выбрался из-за стола. Он был высок. Хрупок в кости, узкоплеч и болезненно тощ, напоминая живой портрет Кощея Бессмертного. В своём костюме и этой простенькой шапочке продавец выглядел чересчур экстравагантно. Костистая ладонь, протянутая мне для рукопожатия, была бледной и сухой.

– Леопольд Мафусаилович. Можно просто Лео, – с хрипотцой сказал он.

– Александр Скворцов, можно просто Саша, а это Алексей, – ответил я, выдавливая из себя улыбку. Кожа на его ли-

це была странной, без явных мимических морщин и пор, а вот глаза производили ещё более отталкивающее впечатление. Чёрные топи, в которых едва проступали искорки зрачков, глаза словно были покрыты маслянистой плёнкой, гипнотически затягивающей в свою глубину.

– Очень приятно, – сказал он и спросил: – Вы принесли деньги?

– Конечно, – сказал я и вытащил из сумки тугой крупный мешочек, наполненный под завязку монетами. Даже представлять не хочу, на какие ухищрения пошла Наташка, чтобы разменять несколько тысяч рублей на копейки.

– Прекрасно, – улыбнулся он, едва раздвинув серые губы.

Брр. Меня пробрало. Леопольд протягивал руку за мешочком, я тупо смотрел на шкаф и вдруг чуть не закричал, различив сбоку от мебели, на красивых обоях, неожиданно мокрое пятно, точно исходящую слизью дыру. Моргнул – и снова всё было в порядке. Я что сегодня – перегрелся на солнце?

Пока я стопорил, Леший спрашивал Леопольда, можно ли разобрать шкаф, чтобы перетащить его в прицеп машины.

– О погрузке можете не волноваться. Герасим! – прохрипел тот.

Наш сопровождающий, в длинной цветастой рубахе, подвязанной поясом, и в широких брюках, усаженных в салтные туфли, с обтрёпанными носами, размера эдак сорок пятого вихрем ворвался в комнату. Никогда не страдал бзика-

ми, вроде предчувствий, а тут как накрыло. Я с тоской посмотрел на мешочек, лежащий на хозяйском столе, на узкий рот Леопольда, и вдруг захотелось забрать деньги и бежать, просто бежать из дома. Голова закружилась. Леший нервно смеялся в ответ на шуточку хозяина дома. Я снова вздрогнул, когда посмотрел на пол, враз потемневший и позеленевший от расплзшегося по нему белесого грибка и мха. «Наверное, я точно спятил!» – скоростным поездом пронеслось в мозгах.

– Сашка, я не верю, что этот лилипут Герасим сможет вытащить шкаф в одиночку из дома, – шепнул кореш мне на ухо.

– А-а? – отозвался я, приходя в себя и злясь, оттого что, скорее всего, заболеваю. Пол под ногами был нормальный. Светлый паркет золотился, точно натёртый воском. Я ощутил, как на лице выступил пот. Хотелось хмыкнуть: вдруг представилось, как Герасим, сидя на корточках, тщательно и кропотливо натирает паркет щёткой.

– Может, чаю? – радушно предложил Леопольд и добавил, что по ломоте в костях предчувствует приход грозы.

– Не-а, – я покачал головой, чувствуя, как меня мутит.

Шустрый Герасим уже перевернул шкаф набок. Почему-то шкаф выглядел меньше, а комната больше. Как и дверь стала просто дверью для великана – расширилась в обе стороны раза в два. Леший, точно зачарованный, слушал, как тараторит Лео, вещая про подвиги Герасима, в трёхлетнем

возрасте таскающего гирьки. Я с глупым выражением лица пытался уловить суть разговора. Обрывки слов проносились мимо уха. На лоб капнуло, и я вытер воду, озадаченно посматривая на сухой потолок. Ощущение неправильности происходящего смущали. Да что со мной сегодня не так?

– Пошли, кореш, что-то ты снова завис. Точно чаю не хочешь? Лео, такой забавный, – сказал он, когда мы второпях прощались.

Тяжёлый, маслянистый взгляд Леопольда, брошенный нам напоследок, наверняка будет преследовать меня в кошмарах. Он помахал нам рукой – и пузырьком вздулось и хлопнуло нечто сокрытое под его пиджаком со спины. Шапочка на голове Леопольда чуток приподнялась, обнажая лысую снежно-белую кожу. Ж-жууть. А ну его. Мне просто нужен свежий воздух. И всё снова будет тип-топ.

Тучи сгустились, затянув небеса фиолетово-чёрной пеленой. Воздух буквально звенел от электричества. Пахло озоном и грозой. Я глубоко вздохнул. Полегчало. Во дворе Герасима не было. Мы переглянулись с Лешим и погнали пешкодралом в сторону заброшенной деревеньки. Происходило невероятное. Гм, грубо выражаясь, карлик либо спрятал шкаф, либо оказался суперменом и удивительным образом дотащил его на плечах (ага, не поверю, пока не увижу воочию) к нашей «ниве». «Это сколько, примерно, тащить метров?» – прикидывал я, задыхаясь от бега и останавливаясь на опушке, перед тем как зайти в беспросветный лесной мрак.

Герасим не выглядел утомлённым. Скорее торжество проступало на его свинячьей, чуток разруганной хारे. Он без спроса отодвинул брезент с прицепа и самолично впихнул туда шкаф. За одно это хотелось его придушить и хорошенько намять бока.

– Фух, – выдохнул я, собираясь с мыслями и беря себя в руки. Что это сегодня творится со мной? Так и в психа легко превратиться.

– Мужик, ты крут, – балагурил с Герасимом простодушный Леший.

Разуй глаза, кореш, с типчиком что-то не так! Тут же захотелось крепко встряхнуть кореша, взяв его за шиворот футболки, как куль с мукой.

– Спасибо, дальше мы сами управимся, – выдавил из себя я, на корню обрывая новый вопрос наивного Лешего. Обидно, когда друг в ответ смотрит на тебя так, точно хочет покрутить пальцем у виска.

Герасим молча кивнул и, слегка пожав плечами, размял шею, затем скольльзящей, странно отвлекающей глаз походкой почти скрылся из виду в лесу.

Леший открыл машину и из собственного, затёртого и местами залатанного походного рюкзака, который таскал на все случаи жизни, вытащил плитку шоколада да крикнул:

– Эй, погоди, Герасим! – побежал вдогонку.

Я топнул ногой от злости, затем стал накрывать шкаф брезентом, стараясь, чтобы ткани хватило на весь объём, да

жёстко подвязывал верёвкой, стягивая края. Уже всё сделал и вдруг вспомнил про Лешего, оглянулся: запыхавшийся друг выбегал из леса с отстранённо-потерянным видом, точно испытал лёгкий шок и обалдел при этом.

– Эй, да в чём дело?! – воскликнул я.

Болезненно резко над лесом сверкнула зарница, рассекая изломанной линией небо. Грохнуло – и с пушечным залпом хлынул оглушающим потоком дождь.

Леший вскочил в машину, взял бутылку минералки и стал жадно пить. Бледный, как поганка, теперь он напоминал привидение.

– Всё в порядке, в порядке, – точно пытаюсь убедить себя, а не меня в этом, повторял он и вдруг замолчал, затем сказал, жадно хватая ртом воздух: – Я просто увидел... Нет, показалось....

Я отобрал у него минералку и выпил всю, что осталась, хмыкнул, отмечая про себя, что, похоже, моя разыгравшаяся от перегрева «болезнь» с проявлениями галлюцинаций заразна.

Так мы и просидели в машине, молча, каждый погружённый в свои невесёлые мысли, пару часов кряду, пока гроза не переросла в морозящий дождь. За это время я вздремнул, накрывшись ветровкой и прислонившись к спинке сиденья. Кажется, едва погрузился в сон, как приснился настоящий кошмар.

Мне снилось, что я вышел из машины в грозу, потому

что Леший пропал. Белый шквал дождя промочил насквозь одежду и полностью лишил слуха. Я едва ли что-то видел, но точно знал, что кто-то, или что-то находится рядом. Шаг вперёд в темноту – и тонкие пальцы коснулись моего плеча, крепко сжали, точно и не пальцы это были вовсе, а когтистая птичья лапа. Я обернулся, придушенно вскрикнув, а ноги точно вросли в землю. Продавший нам шкаф Леопольд Мафусаилович без своей вязаной шапочки враз потерял сходство с человеком. Скрывавшийся под ней, неестественно вытянутый череп с пульсирующими наростами, в которых копошилось что-то сизое, червеобразное со жгутиками, помимо воли приковывал к себе взгляд. Тук-тук-бух. Моё сердце в груди буквально разрывало клетку из ребёр. Страх смешался с отвращением, а ноги... ноги были мне неподвластны.

Леопольд разом оказался так близко, что я ощутил гнилостный смрад его дыхания. Он ослабилась и что-то прошептал, нависая надо мною тощим, ужасающим гигантом, точно стоял на ходулях. Мужчина едва раскрывал рот, а его слова-иглы буравили моё сознание, при этом издавали отчётливое шуршание, сравнимое разве что с сыплющимся песком на бумагу. Я заорал и отчаянно попытался улепетнуть прочь, и вдруг сквозь БАМ-БАМ-БАМ! – залповую очередь дождя – услышал и, наконец, разобрал смысл слов, таящийся в его приглушённом шёпоте. «Скоро, скоро птенец проснётся, и тогда он будет выбирать, кого оставить се-

бе, а кого сожрать!»

Я резко очнулся. Колотясь от страха. Весь потный и резко озирающийся по сторонам, не в силах отделаться от гнусного отпечатка сна. Страх душил, перекрывая дыхание. «Это был всего лишь сон, чувак, – повторил несколько раз про себя. – Всего лишь чёртов сон. Хах!» Леший на соседнем сиденье тихонько похрапывал. Дождь закончился. Чёрные небеса посерели. Я мысленно скрестил пальчики на удачу и повернул ключ зажигания.

Мы вернулись ко мне домой, почти в восемь вечера. Голодные и злые да беспокойные, что всё так, наперекосяк, обернулось. В довесок в доме были гости. Хотя мы с женой ещё не собирались праздновать новоселье.

Серебристый мерс Казановы находился под тентом. На заднем дворе дымился мангал. Из раскрытых окон кухни ветер приносил аппетитные запахи жареной курицы, копчёной рыбы и выпечки.

Я припарковался возле сарая, в котором, кроме инструментов, хранили разве что дрова да инвентарь для огорода.

Едва мы с Лешим выбрались из «нивы», как на потные лица сразу прилипла вечерняя мошкара, кружившая возле старой яблони, доставшейся нам вместе с участком. В животах синхронно заурчало.

Перед тем как сказать всем «привет», до жути хотелось в душ. Смыть с себя пот и усталость, все негативные впечатления от поездочки, а там можно и набить брюхо, и если

всё приготовленное Наташкой окажется таким же вкусным, как витающие вокруг аппетитные запахи, то все накопленные обиды сразу исчезнут.

Мы с Лешим вошли в дом через кухню, ибо не хотелось вот так, кислыми рожам и неприглядным видом пугать гостей, а там и от разговоров «о том о сём» будет не сбежать ни под каким благовидным предлогом. Удача на диво была к нам благосклонна: незаметно удалось проскользнуть, практически крадучись, на цыпочках, на второй этаж.

Мне досталась большая ванна, а Лешему душевая кабина, так сказать, по благу в честь дружбы.

Освежившись, я рылся в шкафу в поисках чистых вещей для себя и для Лешего и был пойман с поличным Наташкой, которая подкралась ко мне из-за спины и резко хлопнула по плечу, чуть не доведя до инфаркта.

На невысказанный вопрос она сразу сказала, что неожиданно, точно сговорившись, приехали все сразу: её родители, также Казанова и Инга со Светкой с трёхлетней дочкой Ленной, но стоит пояснить, что визит тёщи для меня – своеобразная горькая пилюля, которую даже визит балагура Казановы не был в силах подсластить.

Я выбрал старые джинсовые шорты, севшие из-за стирки, и майку без принта для тощего Лешего. Сам же в отместку плохому настроению натянул треники и майку-алкоголичку, что просто на дух не выносила тёща.

Спустившись вниз, мы присоединились к общему весе-

лю, умудряясь шутливо уклоняться от навязчивых вопросов, при этом усиленно налегая на еду.

В меню были танцы, караоке, креплёное вино, коньяк и сочные шашлыки.

Новый дом погрузился в сонную тишину далеко за полночь. Шкаф оказался позабыт до утра.

... Мне было зябко и одновременно душно. На груди что-то лежало. Тяжёлое и холодное, оно не давало вдохнуть. Усилием воли я напрягся и попытался проснуться. Не смог. Сердце пропустило удар, а затем затрепетало, ускорив свой бег, точно испуганная выстрелом лошадь. Голые пятки лизнул холодный воздух от ветерка, задувающего в спальню из распахнутого из-за жары настежь окна.

" Я не сплю, не сплю!" – понимание ошпарило, словно кипятком, и со скрежетанием зубов я проснулся.

Темно. Наташка лежит рядом со мной на кровати, как всегда заграбастав себе всю простыню. Больше в спальне ничего. Вот только на коже груди образовалось липковато-холодное, как от растаявшего кубика фруктового льда, пятно.

Я вздрогнул, посмотрел на прикроватные часы со светящимися зелёными цифрами. Половина четвёртого утра. Ещё несколько часов до семи, то есть привычному для меня подъёму в утреннее время суток по выходным дням. Вот только весь сон как рукой сняло. Внутри гнилой ягодой зрело чувство: в доме что-то не так. Но что?

Пол, где кончался ковер, был холодный. За раскрытым ок-

ном темноту вдалеке пронзали тонкие вспышки молний. А моя голова, несмотря на принятые на ночь стопки коньяка, оставалась ясной.

Зевнул, потянулся и решил попить кофе, чтобы взбодриться окончательно. Спустившись по очень холодным, точно покрытым инеем, ступеням лестницы, я с удивлением закрыл поскрипывающую дверь чёрного хода на кухне.

Включив свет, заметил грязь на полу возле холодильника. Слипшиеся травинки и комочки земли, а также влажные, едва различимые пятна на стенах наводили на беспокойные мысли. Что-то протекает. Нужно разобраться.

Я замел мусор на совок щёткой и подумал о мышах или других грызунах, покрупнее, побольше. О кротах или крысах с хищно поблескивающими глазами. Брр.

Закипела турка, с пенкой разливая в воздухе запах кофе. Большая кружка с сердечком, подарок-финтифлюшка от Наташки на день святого Валентина, оказалась единственной чистой среди горы посуды, забившей столик и раковину. Я налил её доверху и медленно, в задумчивости стал потягивать кофе.

В суете хлопотливых будней я ценил такие вот мгновения уединения, когда можно осознать, чего достиг в жизни, – и чего ещё хотелось бы получить для полного счастья.

Я вымыл всю посуду к пяти утра, зевнул и, решив наплевать на странную погоду, пугающую далёкими молниями в небе, и неспешно идущую в нашу сторону грозу, подумал,

что ещё успею пробежаться.

Обувшись в кроссовки, напялив на себя толстовку, что, как переехали в дом, сразу обустроилась на полке над крючочками в прихожей, и снова обратил внимание на округлые пятна на стенах, едва приметные, точно блестящие от изморози. Я не прикасался к ним, просто потрогал стены, оказавшиеся ненормально холодными. На полу возле двери тоже была влага. Вздрогнул и предположил, что в доме барахлит кондишин.

На улице было безветренно, а воздух сам по себе окружал плотным коконом – и, точно наэлектризованный, вызывал при движении на коже отчётливые мурашки. Не помню, чтобы хоть когда-то в жизни ощущал подобное.

Я побежал привычным маршрутом выходного дня, на холм, к речушке Камышовке, через редколесье осин и берез с понурыми мелкими елями. Туда и назад, как раз получается ровно три километра. В целом, выходит немного, но бег помогает поддерживать форму, да и настроение поднимает, особенно когда знаешь, что в собственном доме, помимо твоей воли, находится сварливая (куда без этого?) тёща.

Сегодня либо день не задался прямо с утра, либо... Бежать было стрёмно. Всё казалось, что в тихом лесочке есть кто-то, кроме меня, – и это вовсе не зверь, не птица, а кто-то разумный, наблюдавший исподтишка, притаившийся, например, за стволом вон той далёкой берёзы.

Зябко, а подбежишь, стискивая от тревоги зубы, – и ни-

кого. Глупо. Глупо. Никогда не страдал паранойей, а тут разом – как навалилось.

Местами еловую кору в лесочке пронзали резкие царапины и там и сям, а в папоротниках и кустарнике запутались клочки шерсти, висели на листве, будто приклеенные.

Кто бы так мог из местных зверюг пообтрепать бока? Белка, лиса-сестра или кабан.

Я бежал, чувствуя, как внезапно с сильным, точно штормовым порывом ветра, меняется наэлектризованный воздух, разбивается душная плотность и на лицо падают первые капли дождя.

Нужно было спешить. Прибавив скорость, я вовремя оказался у ворот дома. На траве валялся, хлопая на ветру, брезент с прицепа «нивы».

Я затормозил, схватил брезент и, отдышавшись, заглянул под тент, где стояла «нива», напротив мерса.

Шкаф был выставлен на всеобщее обозрение. Если это была очередная неудачная шутка проказника-затейника Казановы, то мне сейчас совсем не смешно. А если это приходили мужики-алконавты из деревни и втихаря проверяли себе, что да как, пока все спали?.. Ага.

Собственные мысли злили и одновременно пугали. Ладно, разберемся.

Остервенело завыл ветер. Враз потемневшее до черноты небо злыми ухмылками пронзили яркие спицы молний. Жутко загрохотало, словно издал рык великан и сразу в

недовольстве затопал ногами – и в одно мгновение без предупреждения, точно хляби небесные разверзлись, обрушив вниз сплошной поток воды.

Наташка вставала в шесть и всегда пила зелёный чай, прежде чем заняться йогой. Её я застал на кухне зевающей и сонной, стоящей возле плиты.

– Ты ночью ничего не слышал? – спросила она, поглядывая на залитое дождём стекло.

– Не-а, – покачал головой я.

– Похоже, синоптики снова облажались, – вздохнула она.

Радио на холодильнике противно запиликало, объявляя об оранжевом уровне опасности.

– Может, мне просто что-то приснилось, и теперь от этого как-то не по себе, – накрутив на палец пепельную прядь, выбившуюся из пучка на затылке, продолжила Наташка: – Но я была уверена, что ночью скрипело окно в коридоре.

Закипел чайник, и жена залила кипятком пакетированный зелёный чай в чашке.

– Чего сам так рано встал? – ласково спросила Наташка, затем, подойдя ко мне, чмокнув в щёку, поблагодарила за вымытую посуду. Снова крякнуло радио, с завыванием вещая уже о критическом уровне опасности и необходимых действиях. Наташка прикусила губу и, выслушав монотонный голос диктора, щелчком вырубил его. Я буркнул сквозь зубы что-то невнятное по поводу погоды и, разминая, повертев из стороны в сторону шей, направился в душ.

Леший и Казанова, пробуждённые непогодой, выглядели, как взъерошенные черти, выскочившие из табакерки.

Казанова до десяти утра не принимал ничего, кроме кофе и сигарет. Леший мог хомячить в любое время всё что угодно, списывая это на ускоренный обмен веществ.

Я же на завтрак предпочитал яичницу и тосты с джемом, но сегодня всем проснувшимся была сварена овсяная каша с изюмом и чёрствы́е булочки с корицей на десерт.

Угрюмая теща, притащившись на кухню, шурилась и жаловалась на головную боль и жёсткий матрас да на погоду, разбередившую её старые кости. Сергей Иванович – то бишь мой тесть, тоже с утра выглядел не ахти: невыспавшийся, бледный, с тёмными кругами под глазами. Он говорил, что ночью, едва погружался в сон, как слышал протяжный скрип половиц в комнате, будто кто-то то замирает на месте, то снова крадётс́я, да без остановки свистит-храпит себе паровозом Клавдия Петровна. К тому же половину ночи он никак не мог согретьс́я, всё ворочалс́я и кряхтел, хотя укрывалс́я и спал в пижаме и хлопковой фуфайке.

– Нужно вам кошку завести. Пусть обживает новое место, – улыбнулась, сглаживая острые углы, никогда неунывающая оптимистка Светка. На кухню следом за ней вбежала такая же, как мать, живая батарейка Ленка. Вихрь кучеряшек, пухлые щёчки и проказливая улыбка – и уже с утра в руках карандаши со смятым альбомным листком. Вот несёт матери очередной шедевр.

Я видел, как украдкой вздохнула Наташка, раскладывая по тарелкам кашу. Эх, нам бы такую дочурку или сыночка, а то и двоих. Вот только врачи разводят руками, и остаётся лишь верить, что когда-нибудь и у нас с женой будет настоящая семья.

Девочка, как угорелая, бегала вокруг мамы и всё норовила всунуть рисунок ей в руки. В тонком кимоно с восточным рисунком зашла бледная и отёкшая от недосыпа и избытка солёного на ночь Инга.

Лена засмотрелась на женщину, и рисунок упал на пол. Я увидел там мелкого субъекта с круглым, напоминающим снежный ком лицом. Субъект находился в странной позе – с выставленными вперёд руками, а плечи казались непропорционально широкими к телу.

Я хотел улыбнуться, но смешок так и не вырвался изо рта, замер, отозвавшись гадкой дрожью в столбе позвоночника. «Да это же карлик, чёртов карлик, Герасим из Петровки! – отчётливо появилось в мыслях. – Как Ленка могла нарисовать его, никогда прежде не видел?» Может, просто совпадение. Как говорят, детская фантазия безгранична.

– Эй, – обратился я к малышке. – Кто это? – спросил, поднимая рисунок и протягивая его надувшейся Ленке.

– Будешь блинчики с вареньем? – словно издалека произнесла Наташка. Я смотрел на Ленку. Серьёзный взгляд на детском лице, как-то смущал.

– Я видела его ночью за окошком и в норке в стене, – вы-

дохнула девочка и схватила рисунок. Светка шутливо потрепала дочку по голове.

– Не выдумывай, зайка. Тебе просто приснилось, – будто бы извинялась передо мною, через силу одними губами улыбнулась Светка.

Она отобрала у дочки рисунок и, смяв его, выбросила в мусорное ведро. Ленка заревела. Наташка оперативно достала из шкафчика солонки и перечницы в виде котят и сахарницу – маму-кошку. Забавный наборчик она как-то купила в подземном переходе у какой-то пришлой тетки, пребывая в плохом настроении после неудачного зачёта. Наборчик здорово выручал, когда в гостях были малые детки. Кошачья семейка разом прекращала все истерики и капризы. Что произошло и сейчас.

Я отпил глоток крепкого кофе, понимая, что яичницу и тосты придётся готовить самому, после того как вся орава налопается каши. Сладкая каша (я чуть вслух не издал брезгливое: «Бе-бе!») тарелке вызывала отвращение.

Слова Лешего в общем гаме застали врасплох. Гудело кем-то снова включённое радио. Диктор механическим голосом, внушающим оцепенение, настойчиво рекомендовал не пользоваться электроприборами и вообще не выходить на улицу.

Тестьпил крепкий чай, почти чифирь, и тихо шипел сквозь зубы какие-то ругательства.

– Что? – переспросил я Лешего и тотчас глянул в окно.

Брезент навеса угрожающе трепетал на ветру, грозя вот-вот улететь в небеса вместе с ветром.

Блин, с машинами от капризов погоды ничего не станет, но вот шкафу точно будет кирдык. Эх, организуем-таки спасательную экспедицию. Уговорив Казанову сотрудничать, я обещал ему несколько партий в покер, в который я, кстати, всегда проигрываю, да бутылку водки из холодильника.

Собравшись с духом, мы надели дождевики и вышли на улицу, покидая уютный, тёплый дом. Ветер буквально сбивал с ног. Не стоит, вообще, и говорить про неожиданно холодный для летней поры дождь, к тому же до минимума снижающий обзор видимости.

С горем пополам, поднатужившись и кряхтя, мы втащили шкаф в гостиную, открыв настежь французские окна. Наташка предусмотрительно скрутила ковёр, подстелив целлофан. Жаль, что в сарае места для шкафа нет из-за штабелей дров.

Как мы будем тащить эту громадину на второй этаж, я, честно сказать, был без понятия. Вот только закрыв оконные двери на защёлку, избавляясь от мощного ветра, все разом вновь почувствовали облегчение. А меня зазнобило.

На улице было дико холодно, точно в один момент, вытеснив лето, наступила поздняя осень.

– Может его разобрать, – предложил Казанова. Я кивнул.

Наташка поглядывала исподлобья, ещё не определившись: злиться ей на нас или, наоборот, радоваться нашей

предприимчивости.

Позавтракав, все снова разошлись по спальням, предполагая, что на сытый желудок можно доловить прерванный сон.

Наташка направилась в мастерскую, решив дать добро на нашу самоволку, тем более что мы торжественно обещали ей после нескольких картёжных партий собраться с силами и, акклиматизировавшись, таки затащить шкаф на второй этаж.

За окном гремело и грохотало, свет мы не включали, как рекомендовали по радио, поэтому просто сидели и резались в карты при свечах, водрузив всё необходимое на небольшой кофейный столик. Вчерашние шашлыки шли под водочку на ура. Удача как раз повернулась ко мне лицом, подарив козырные карты.

Вдруг с грохотом разбилось одно из французских окон. Влетевший в комнату ветер потушил все свечи, обдав нас моросью и холодом.

Карты слетели на пол, как и книги с полки. Оконная дверь трепыхалась, как бабочка на ветру, на остатках петель. Резкий протяжный скрип дёргал нервы на пару с неутихающими, яркими до рези в глазах всполохами молний. Насмешливо грохотал гром. Вся игра и настрой оказались сорваны. Всё под ноль.

Пришлось топтать в кладовку под лестницей за фанерой и прибивать её вместе с досками, предназначенными для пол-

ки, сооружая на месте французского окна своеобразную заплатку.

Во дворе неслись потоки воды, смывая каменистую крошку и побеги цветов на единственной клумбе, что мы успели разбить подле веранды. Просто жуть.

Радио шипело помехами, телевизор не работал и был выключен сразу же, как спустилась узнать, в чём дело, вымазанная масляной краской Наташка.

Интернет в телефоне и вовсе вёл себя странно. Зависал, как проклятый, несмотря на безлимит.

Итак, с приходом Наташки мы решили заняться шкафом. Загрохотало по крыше. Уцелевшее стекло французского окна царапала россыпь мелкого града.

Наташка снова зажгла свечи и принесла несколько фонарей, что работали на батарейках. Со скуки и от происходящего за окном к нам спустилась Светка и Инга, а Ленка наверху возилась с раскрасками. Отдохнувшие женщины заметно посвежели.

– Что вы тут возитесь впотьмах, а? – спросила Светка.

– Увидишь, – сказал я.

Дамы сели на диван, устроившись удобно, точно на представлении. А мы сгрудились вокруг шкафа и с помощью отвёртки стали откручивать петли, чтобы сделать его полегче и оттого пригодным для последующей транспортировки наверх.

Вытащив ящики, мы безуспешно возились с дверными

петлями. Они точно нарочно не поддавались, несмотря на наше кряхтение и все приложенные усилия. Майка и надетая поверх толстовка насквозь пропиталась потом, точно я несколько часов подряд качал железо в тренажёре.

Не прошло и часа, а мы втроём уже были как выжатые лимоны, но шкаф таки общими потугами оказался наверху, в мастерской.

– Ух, ты! – сказала Наташка, принеся нам горемычным трудягам прохладной газировки. Она зажгла свет, чтобы увидеть во всей красе шкаф. С хлопком лампочка взорвалась.

– Чёрт! – шикнул Казанова.

– Ты это видел? – странным голосом произнёс Леший.

– Чего? – ответил я, думая: понесло кореша с пьяну.

Наташка выпустила бутылку газировки из рук, уставившись на шкаф. Вспышка молнии за окном осветила на дверцах витиеватый рисунок, похожий на морскую волну. Я моргнул, протёр глаза. Рисунок пропал. Наверное, игра света.

– А ну-ка, неси фонарик, – сказал я, обращаясь к Наташке.

Она точно не слышала. Ощупывала поверхность шкафа, как некую драгоценность. Казанова вытащил из кармана спортивных штанов свой навороченный айфон, включил фонарик и направил на шкаф. Белый свет оживил чёрную поверхность дверей, рисунок проступил снова ярко-серебристым мазком, а потом дверь шкафа неожиданно скрипнула

– и что-то звучно то ли заскреблось, то ли щёлкнуло внутри.

Мы, не сговариваясь, отступили в сторону от шкафа. Казанова, снова чертыхнувшись, чуть не выронил из рук айфон.

На пару секунд в доме стало удивительно тихо. Только грохотал бьющий по крыше дождь да завывал ломящийся в окно ветер. Наташка нервно сцепила пальцы на подоле сарафана.

Наш общий азарт первооткрывателей неожиданно угас, сменившись безотчётной тревогой. Все замерли в молчании, будто чего-то ожидая.

– Чего это вы застыли столбом? – задала вопрос Инга, заходя в мастерскую из коридора с фонариком в руках. За ней робко следовала Светка. – Как мыши затихарились тут. Чем занимаетесь?

– Брр, ну и холод у вас. Хоть бы окно закрыли, – поёжившись, добавила Светка и одёрнула кофточку.

– Раз молчим, значит, мы сейчас сами посмотрим, – бодро произнесла Инга и направила фонарик на шкаф.

– Ничего себе! – выдохнула она, любуясь возникшим узором, а потом, открыв дверцу шкафа, замерла на месте, посветив внутрь.

Внезапно яркий свет фонарика поблек до мутно-жёлтого, тусклого и далёкого, словно прорезывающегося из-под толщи воды. Треск, шипение – корпус фонарика посекали мелкие острые трещины, и он, посветив ещё секунду-другую,

просто затух. Темнота затопила собою всё, маслянистой чернотой вытекая из щелей и углов.

Инга дотронулась до дверцы шкафа, резко открывшейся в её сторону. А затем с глухим «пуф» внутренняя перегородка шкафа, точно от невидимого толчка, рухнула прямо на женщину, придавив её к полу.

В возникшем неведенье откуда шипения мне послышался глухой смешок. Сердце ёкнуло, предательски взмокли ладони.

Визг жены я бы не спутал ни с чьим другим. Светка ахнула, отступив на шаг. Кореша, недолго думая, поспешили на помощь Инге. Айфон Казановы полетел на пол. Включённый фонарик резал темноту краткими снопами белого света. И, наверное, я первым из присутствующих увидел на полу возле шкафа это. Неопознанное. Круглое. Белесо-серое. Что это, мать твою за ногу, такое?!

Внутри всё взвыло, взревело пожарной системой оповещения. Мысли исчезли. Инстинкт требовал сейчас же уносить отсюда ноги. Но. Но я просто не мог.

Я моргнул и продолжал оцепенело стоять столбом и просто смотреть. Затем тяжело вздохнул и потянулся к Наташке, схватил её за руку и чуть силком не потащил в коридор. Она упёрлась. Да что с ней такое?

Наконец, совместными усилиями Ингу поставили на ноги. Панель, выпавшую из шкафа, оттащили в сторону. Я выдохнул. Все разом увидели то, на что я пару минут пялился в

одинокестве. Опешили. Озадачились, точно не верили своим глазам. А затем испугались.

Думаю, кореша сразу протрезвели. Инстинктивно отступили прочь от шкафа. А несчастная Инга оказалась к штурковине ближе всех. Она тихо пискнула, как затравленная мышь.

Светка первой промычала:

– Ребята, может, не стоит это трогать?

Как будто кто-то из нас изъявлял желание взять округлое нечто в руки.

Инга помотала головой, словно таким образом приводила в порядок собственные мысли.

– Нужно больше света, – сказала она.

– Со светом во всём доме творится какая-то херня, – пробурчал Леший, почесав затылок. Казанова, наконец, включил мозги и выдавил из себя:

– Светка права. Нужно не торопиться и обдумать, как поступить.

– Согласен, – сказал я и сжал руку Наташки, давая ей понять, чтобы она ни в коем случае не занималась самостоятельностью.

– Давайте просто уйдем и дверь закроем, на всякий случай, ладно?! – стараясь держать себя в руках, отчеканила Инга.

Из коридора раздались голоса Клавдии Петровны и её подкаблучника мужа. Звонко рассмеялась крошка Ленка. И

мы, точно сговорившись, цепочкой покинули мастерскую, и Наташка, повернув, щелкнула округлой ручкой, закрывая дверь.

– Давайте чаю, что ли, попьём, – предложила жена, когда мы все вместе собрались на кухне. Теща в энный раз поинтересовалась, когда, наконец, закончится стихийное бедствие.

Сергей Иванович изволил сообщить, что ему по графику уже пора обедать. Ленка попросилась к маме на ручки и за-капризничала, заявив, что ей тут с нами скучно-прескучно.

– Сейчас книжку почитаем, порисуем, солнышко, хорошо?! – ласково сказала Светка и взяла дочку на руки. Ленка качала головой, не соглашаясь на все уговоры матери. Назревала очередная истерика.

Казанова на пару с Лешим начали паясничать перед малышкой, строить рожицы и кривляться, точно заправские клоуны. Ленка смотрела, смотрела на их представление и захихикала.

Интернет в телефоне едва тянул, то и дело зависая. Телевизор больше не включали, как и всё электрическое в доме, потому что, даже несмотря на поставленные на место пробки в подвале, всё равно иногда сама по себе искрила проводка. Мы боялись за дорогую технику.

Поэтому по очереди чуток баловались имеющимися в наличии телефонами, прекрасно зная, что если разрядятся все аккумуляторы, то в критической ситуации и до МЧС будет не дозвониться. Приходилось довольствоваться скухими за-

ходами Вконтакте и просмотром фотографий.

От ужасного воя ветра, играющего на оконном стекле зловонную арию металла, было стрёмно. Радовало лишь то, что внезапный циклон обещал развеяться к утру. Свечей в доме явно недостаточно, для того чтобы разобрать, например, коробки и тем самым, например, сделать что-то полезное для дома. Ведь я терпеть не могу безделья.

Но, растягивая лимит собственного терпения, приходилось пить чай да слушать разговоры в стиле «бла-бла-бла», просто ни о чём, главное – не о погоде. Клавдия Петровна не принимала матерщины и похабных шуточек, на которые был горазд Казанова. Я хлебнул остывающий чай, признавая, что его шуточки могли скрасить стремительно уходящий из-за тёмных небес день.

Так что было скучно-прескучно, как заявляла трёхлетка, снова занявшаяся рисованием ярко-розовых, точно леденцы, мультяшных зверюшек, устав от чтения вслух матерью русских народных сказок, найденных у нас в одной из коробок.

Я глянул в окно. От изгибов зарниц можно и ослепнуть. Поспать, что ли? Да, совсем рано ещё. Что я потом всю ночь буду делать, если сон собью? Значит, будем сидеть и куковать.

Напившись чая, слегка подняв настроение, заедая непогоду грудками сладостей, шоколада и конфет, мы дружно скуковались в гостиной. Никому не хотелось разбредаться по

спальням. К тому же в доме невыносимо холодно. Брр. Разве это нормально для лета?

Наташка снова вернулась на кухню и занялась готовкой, утащив Ингу и Светку в помощь.

В гостиной затаились лишь наша тройка да Клавдия Петровна с мужем. Теща нервно куталась в плед, который периодически сползал на пол, словно не мог удержаться на её острых плечах. Сергей Иванович кивал в ответ на её стенания о погоде, холоде и взывавшей головной боли, с переменным успехом погружаясь в дрему, сидя напротив неё, в моём любимом кресле.

Думаю, мне повезло, что у тёщи болела голова, иначе Клавдия Петровна точно взелась бы просто так, точно злобная старая псина, рычащая ни за что ни попадя.

Вот я и сидел на тахте – рядом кореша в моих тёплых вещах. Сидел и подумывал про дрова в сарае, поеживаясь, поглядывая в окно на царящий там беспредел ветрища и ливня. Собачий холод в доме требовал срочных мер.

Как погрузился в дрему – не помню. Кажется, всего на секунду закрыл глаза – и накрыло сонной одурью. Темное небо угрожающе низко зависло над горизонтом. Вокруг тихо и ужасно душно. Широкий зигзаг молнии разветвляется рогатыми изломами во все стороны. Слепит глаза жутким бело-синим светом. Моргаю – и оказываюсь в чьём-то укрытом сумраком доме. Ни света, ни пламени свечи в окне, только со всех сторон меня обступает практически крошечная тьма.

Ощущение, что я был здесь раньше, сильное, как толчок в грудь. Мысли – испуганные светом мотыльки, такие же рассеянные. Ноги сами несут меня куда-то всё время, петляя, а руки то и дело упираются в трухлявую древесину стен. В этой комнате темнее, чем во всём доме, но я тут не один. Вспышка нездоровой, отливающей синевой молнии за окном кособоко изворачивает тени. Стол в самом центре комнаты округлый, блестит, точно полированное зеркало. На нём разложены монеты. Горы монет рисуют спирали, восьмёрки, треугольники и кресты. Мне боязно, холодно, и я не решаюсь даже моргнуть, не то что сделать шаг в сторону, понимая, что оказался в западне. Кажется, сделаешь лишний вдох, пошевелишься – и обнаружат. Трепещу, превратившись в статую, – и наблюдаю. Вспыхивают молнии за окном: раз, другой, третий, но вдруг начинают постукивать зубы, потому что я не слышу рокота грома.

Смех, противный и мерзопакостный, навеивает мысли о связке гадюк в сырой яме. И, что хуже всего, я узнаю этот тембр, этот голос мужчины, держащего в руках то ли свиток, то ли манускрипт. Он медленно разворачивается, и пальцы мужчины, точно крылышки жуков, шелестят, обводя крупные буквы, рисунки и символы, похожие на фигурки, выложенные на столе из монет.

Внутри меня зреет вопль. Ещё одна вспышка молнии проходит сквозь стекло и разливается по столу синим пламенем, скручиваясь тугими искорками в монетах. Теперь све-

та достаточно, чтобы отчётливо видеть всё. Леопольд Мафусаилович, тот чувак, что продал мне шкаф, кружит со свитком в ликующем танце вокруг стола. Хихиканье – и в одной руке у него, как у треклятого фокусника, появляется белый голубь, связанный проволокой; израненные лапки птицы сочатся кровью. Неестественно длинные пальцы чувака, как лапки паука, суетливые. Они гибко сжимаются вокруг голубя, превращая его в комок слипшихся ребухи и перьев. Мгновение дикой пляски – и вот Леопольд у стола, поливает кровью монеты. Он шепчет слова, гортанно рычит, и каждая прочитанная буква свитка загорается красным. Визгливая песенка полоумного пререзает гортанное шептание, и я содрогаюсь, когда вдруг понимаю сокрытый внутри смысл. «Пир. Пир. Скоро. Настанет желанный пир. Птенец пробудился... Он сам, сам добровольно монетками договор скрепил! И нас в дом пустил». Шипение – и монеты исчезают в идеально ровном круге синевы на столешнице.

Мои волосы становятся дыбом. Ошалелое сердце колотится и трепещет, грозя вырваться на свободу. В момент откровения осознаю, что песенка безумца была про меня.

Болезненный толчок возвращает меня в реальность. Я вскакиваю с тахты, как ошпаренный, обвожу корешей безумным взглядом – и от обиды хочется грохнуть кулаком о стену. Я абсолютно ничего не помню, кроме отчаянного чувства, что должен сделать что-то важное. Только невыносимая тревога сжимает своей безысходностью. На все последу-

ющие вопросы друзей пришлось отшутиться и вернуться к насущным проблемам.

... Чёрт с ней, с погодой. Вместе с друзьями даже в лихолетье не пропадём. Поэтому я заставил-таки Лешего оторвать свою задницу от мягкой тахты, а глаза – от экрана уже мигающего телефона, у Казановы же пришлось отобрать бутылку коньяка и почти на пальцах объяснять, чего я от него хочу. Кореш заревел недовольным медведем, но всё же уступил.

Итак, мы снова натянули успевшие высохнуть дождевики и, обмотавшись на всякий пожарный верёвкой, открыли кухонную дверь и вышли во двор, где сразу же едва не свалились под напором ветра.

Ветер бил сплошным дождём в лицо, перекрывая дыхание, напрочь лишая обзора. Пришлось наклонить голову. Пока в ряд гурьбой дошли до сарая, поскальзываясь в потоках воды, выдохлись, словно бы прошёл не один час.

Оказавшись внутри, я сразу понял, что здесь кто-то побывал. Инструменты были разбросаны по полу. Коробки и баночки с гайками и шурупчиками опрокинуты, словно что-то второпях разыскивали, да не нашли, а затем со злости всё разворошили. Единственное, что осталось на месте, – это аккуратно сложенные дрова у стены.

После того как я достал с железной полки маленький фонарик и включил его, сразу обнаружил на полу почву с тра-

винками и комок земли, похожий на отпечаток подошвы. Вот гадство!

– Здесь кто-то явно хозяйничал, – озвучил Казанова мои подозрения. Входная дверь пронзительно скрипнула от напора бьющего снаружи ветра.

– Дерьмо! – с чувством высказался я.

– Любопытные соседи? – предположил Леший. За что сразу захотелось его стукнуть.

Я направился за дровами. Сграбастал в кучу несколько тонких поленьев. Друзья, больше ничего не говоря, присоединились ко мне.

Проклятый дождь гремел по шиферной крыше, точно набат.

В сарае было промозгло и стрёмно. Но, несмотря на неприятнейший путь обратно, нам хотелось уйти отсюда как можно скорее.

Вернувшись, мы сразу растопили камин. В воздухе вкусно пахло стряпнёй, вызывая обильное слюноотделение. По подоконнику забарабанили белые дробинки града, и мы поняли, что, промокнув под дождём, ещё легко отделались.

Лишённый солнечного света, день быстро перетёк в ранний вечер, а затем из-за ещё более сгустившихся тяжёлых свинцовых туч, с проступающей в глубине нездоровой зеленью, замер в тревожном ожидании ночи.

В интернете мы не нашли сведений об улучшении погодной ситуации утром. И эх, начальнику мне тоже дозвониться

не удалось.

Казанова прикусил губу и совсем приуныл: видимо, и его попытки связаться хоть с кем-то из родственников и знакомых оказались плачевны.

Совсем стемнело. Я согрелся, но из-за необъяснимого смятения в душе просто мерил шагами гостиную да коридор, затем решил наведаться на кухню. Узнать, когда нас всех наконец-то накормят.

Кастрюльки и сковородка с закрытой крышкой стояли на плите. Барышни сидели за столиком и устало потягивали вино, заедая нарезанным сыром. Ленка не обращала на тёток внимания, усердно рисовала.

– Кхм, – прокашлялся я.

– Это ты милый, – рассеянно сказала Наташка и, скупно улыбнувшись, наконец-то поинтересовалась, голоден ли я.

Еда была сытой и простой. Жареная картошка с мясом, салат из огурцов и помидоров да вытащенное из недр холодильника молоко.

Как мы ни старались, но батареи телефонов подчистую разрядились. Поев, мы снова скуковались в гостиной, где от весело трещавшего разожженными дровами камина шло спокойствие и тепло. Когда все заняли сидячие места, то есть диван, кресла и тахту, мне в голову пришла замечательная идея принести парочку раскладушек с чердака. Но, поскольку я расслабился и согрелся, двигаться с места не хотелось. Я мечтал о горячей ванне, а затем долгим и спокойным сном,

но без электричества бойлер не работал. Холодная вода не внушала энтузиазма. Делать, было нечего. Игры в карты, шарады и домино уже всем осточертели.

Пару раз Казанова с Лешим выходили покурить на веранду, но быстро возвращались обратно. Мокрые и продрогшие, как собаки.

Дерьмовый день всё никак не подходил к концу, а я всё ожидал, когда, наконец, все утомонятся и разлягутся спать.

Тёща всё пила и пила чай, наливая из большого термоса, да заедала конфетками, пытаясь якобы незаметно подлить себе в чашку то коньяка, то ликёра.

Трещал себе камин. Дровишек на газете подле становилось всё меньше.

Леший с Казановой снова предложили мне сыграть в картишки либо в домино, чтобы хоть как-то сдвинуть с мёртвой точки время. Заодно поделились мыслишками о планах на завтра и соображениями о том, что будет, если дождь за ночь не утихнет и если машины не заведутся. От их предположений мои глаза уже смыкались. Я зевал, не в силах присоединиться к их партии в домино. Только прислонился головой к спинке дивана, с горем пополам поджал под себя ноги и закрыл глаза.

Громкие, переходящие в визг женские голоса слились в унисон, прервав мои сонные грёзы. Я пришёл в себя в дурном расположении духа, изрядно встревожившись.

Как объяснил мне позеленевший Леший, пока мы тихо

сидели в гостиной, девчонки успели спиртными напитками поднять на максимум боевой дух и снова забрести в мастерскую, якобы разобраться с находкой. Дурынды!!!

Шкаф так и стоял себе, зловещий и мрачный, а вот круглая штукавина с пола исчезла. Бесстрашные дамы обшарили всю мастерскую, заглянули во все углы, как заправские ищейки, и, только не разыскав, позвали нас. Мне сразу захотелось их придушить, не разбираясь, кто прав, а кто виноват. Затеяницы, такое учудить после всего случившегося!!! Хватило ума. Просто нет слов.

Вооружившись фонарями, я, Леший и Казанова поднялись на второй этаж, заглянули в мастерскую, конечно же ничего не обнаружив, кроме влаги на полу и мокрого, будто бы подтаявшего, округлого пятна на стене, внушающего беспокойство и резвый взвод бегущих по коже мурашек. Единственное окно в мастерской было крепко закрыто. На потолке не оказалось потёков. Как странно.

В гостиную вернулись понурыми и угрюмыми. Вот так разом испортилось всё настроение. Пришлось нашим дамам сказать малообнадёживающее: мол, рано или поздно пропажа найдётся.

Дрова почти закончились – и, как ни странно, кроме гостиной в доме так и не потеплело, поэтому пришлось всем обустраиваться здесь же. Расстелили на ковре матрасы, уступили диван Клавдии Петровне и ее мужу, а на тахте устроилась Светка с дочуркой.

Злобный шквал белой пелены дождя обрушивался на стёкла, гремел, стекая по карнизу, а осерчавший ветер визжал, точно ополоумевшая карга.

Я проснулся от холода и неприятного тихого, но повторяющегося звука. Открыл глаза. Прислушался, и вот снова через свистящий храп пробивалось неопределенное, посвистывающее и звякающее. Клац. Клац. Клац. Как если бы кто-то крался по полу, поджимая коготки.

Бух. Что-то тяжёлое глухо падает откуда-то сверху. Книжка с полки? Но шкаф далеко, а услышанный звук близко. Как же темно. Паника стискивает сердце, мешая логически мыслить. Вдоль позвоночника ползёт холодок, во рту сухо. Не решаюсь подняться, хоть это по-детски глупо, но мне ведь страшно. Прислушиваюсь, не в силах заставить себя пошевелиться. Подозрительного клацанья больше не слышно.

Неужели все спят? Я слышал лишь тихое посапывание малой Ленки да размеренное дыхание Наташки, свернувшейся на соседнем матрасе рядом со мной. Вот только не храпела тёща. Во сне она всегда издавала раскатистый храп, похожий на синхронное мычанье коров в сарае. Сейчас же просто зависла уютная тишина.

Моргнув, я снова только закрыл глаза, как услышал тонкий, исторгаемый на одной испуганной ноте детский крик. Я слышал его всего мгновение, точно находясь в полусне, точно крик был просто помехой на задворках сознания. Нет же, это не сон! – неожиданно пришло понимание. Сашка, трево-

га. Очнись, мужик!

Тотчас сердце кольнуло, ускорив свой бег под действием скачка адреналина. Ленка! Я отбросил в сторону одеяло и, потянувшись, наощупь взяв заметно оплывшую свечу с журнального столика в центре гостиной, зажёл её рядом лежащей зажигалкой и мельком, второпях осмотревшись, покинул гостиную. Посмотрел на запястье, проверил на часах время. Глухой час. Всего полвторого ночи.

Я практически не расставался с водонепроницаемыми часами – подарком жены на первый прожитый совместно юбилей. Не снимал их, ни когда бегал, ни когда принимал душ. Они мне всегда пригождались в те первые рабочие смены, когда мы с ещё не устаканившейся фирмой часто колесили по стране в поисках строительной подработки.

Шумно вновь забарабанило по стеклу. С резким скрипом хлопнуло открытое настежь окно в коридоре.

Какая нелепость. Ветер, правда, не мог же щеколду отодвинуть?

– Ленка! – позвал я в коридоре. – Ленка, ты где? – позвал громче и не услышал ответа. Может быть, её крик мне почудился. Какая успокаивающая и одновременно простая мысль.

Но на мокром из-за открытого окна полу коридора, в свете свечи, я видел следы маленьких ног и рядом – расплывшиеся от сырости комья земли. Я вздрогнул. Нахлынувший, точно лавина в горах, страх, смысл всё разом – и неверие в

происходящее, и сонливость.

Кто-то снова без спроса осмелился побывать в доме, даже несмотря на неприемлемую для прогулок погоду. Тяжёлый вдох чуток замедлил бухающее в груди сердце.

Тихонько скрипнула дверь мастерской – и тут я увидел лежащую на полу сломанную – нет, вырванную с корнем из двери ручку. За дверью, возле порога, на полу, в своей лёгкой пижаме сидела Ленка. Точно крохотный растерянный комочек с растрёпанными кучеряшками и бледным, как накрахмаленное полотно, личиком.

– Там, – сказала она, показывая на шкаф. – Та-ам, – повторила девочка с затравленным всхлипом.

Я перешагнул через порог и взял её на руки. Озябшее крохотное детское тельце, доверчиво обвившее мою шею своими ручонками, возвало к дремавшему инстинкту защитника. На миг я ощутил, что значит быть отцом, что это вообще такое. Ответственность, нежность, забота.

Ленка снова всхлипнула, и я подавил в себе звериный порыв разобраться со всем этим сейчас же. Вдруг ночной гость прячется в шкафу? Но я закрыл дверь мастерской, для надёжности приставив к ручке этажерку, примостившуюся в углу. Теперь без предупреждающего шума чужак не выберется, разве что прыгнет в окно мастерской и бесхлопотно свернет себе шею, как следует прокатившись под небольшим уклоном по грязи.

Я отнёс Ленку в гостиную, под крыло как ни в чём не бы-

вало спящей матери, – и тихо стал будить Казанову и Лешего.

– Где мой муж?! – спросонья в темноте раздался хриплый старческий голос, который я сперва не узнал, но чуть истерично не подпрыгнул на месте. Оказывается, это просто Клавдия Петровна проснулась.

– Э, – неопределённо произнёс я.

Она встала с дивана в своём ночном балахоне, точно костлявый призрак викторианской эпохи. В волосах гигантскими пластиковыми шершнями выпирали бигуди. Как всегда, услышав мой голос, инстинктивно проснулась Наташка и села на матрасе, щурясь и оглядываясь по сторонам.

– Мама, в чём дело? – строго и хрипло с полусна произнесла она.

– Где мой муж? – прокаркала тёща. Ленка, не сумевшая разбудить свою мать, тихонько всхлипнула. Я вспомнил, что Сергей Иванович, в отличие от остальных, всё же лёг на втором этаже, поближе к туалету. Страдающий от частого мочеиспускания, он не хотел никого тревожить своими многочисленными ночными вылазками.

Мы его устроили со всеми удобствами в одной из спален, накрыв парочкой тёплых одеял в придачу, чтобы он не замерз. Неужели тёща об этом позабыла?

Сейчас разволновавшаяся Наташка всеми правдами и неправдами пыталась убедить мать, что с отцом всё в порядке. Я же украдкой объяснял Лешему, что в доме незваные гости. Казанова, узнав, в чём дело, сквозь зубы чертыхался

из-за того, что оставил дома свой ПМ.

Я как бы невзначай предложил сходить вместе в кладовку, чтобы вооружиться инструментами. Нужно проверить дом, не пугая наших женщин. От паники в такую погоду уж точно не будет толку.

Малышка не подвела: уставшая, она снова заснула, устроившись у матери под боком, так и не рассказав ей о своих ночных похождениях. Но вот тёща не на шутку разошлась и упорствовала, настаивая, что с Сергеем Ивановичем, как подсказывает ей чуткое сердце, случилось что-то плохое.

Я дал знак Лешему и Казанове: мол, оставайтесь в гостиной, а мы с Наташкой и тёщей в придачу таки проверим спальню, где разместился её муж.

Теща, встав с дивана, квохтала и держалась за вдруг разболевшееся сердце, поэтому наш план пришлось изменить. Наташка в сопровождении Лешего потащила мать на кухню, где в аптечке были запасы валерианки, чтобы успокоить её взывавшие нервишки. Мы с Казановой направились на второй этаж, по пути захватив и спрятав в рукавах кофт ножи из кухонного набора. Так, на всякий случай.

На втором этаже было гораздо холодней, чем в уютной гостиной. Все окна снова были распахнуты настежь. Мы закрыли их, ёжась от холода. Мокрый ковёр на лестнице противно чавкал под ногами. Кое-где виднелись комья грязи.

Я был уверен, что теперь-то Казанову ни в чём не придётся убеждать. Мы оба знали, что в доме кто-то есть, либо уже

побывал и скрылся.

Когда мы подошли к повороту, дурное предчувствие всполошило нервы. Дверь спальни, где был размещён тесть, была приоткрыта.

– Чёрт, – сказал я, поглядывая на Казанову. Пламя свечи в руке трепыхалось, как крылья заблудшего мотылька, хотя я и не ощущал дуновение ветра.

Мы подошли поближе и нерешительно позвали:

– Сергей Иванович, с вами всё в порядке?

Ответа не последовало, поэтому мы просто открыли дверь и вошли в спальню. Свечи на табуретке возле кровати не горели. Окно открыто. И это уже начинало меня раздражать. Дождевая вода нещадно залила пол. Холодно. Зябко. Жутко. Простыни на кровати смяты, а одеяло сброшено на пол. Полыхнувшая зарница разожгла в небесах за окном яркую дугообразную полосу. Я увидел комья грязи, возле кровати и возле окна. Свеча в руках неожиданно потухла. Твою-то мать...

Казанова закрыл окно. Мы ещё раз позвали моего тестя, но без толку. Затем обыскали все комнаты наверху, включая мою с Наташкой спальню, заглянули в ванную. Включённая лампочка на потолке мигала, точно сигналила некую безумную азбуку Морзе. На кафеле с цветочными узорами чернела засохшая капелька крови. Так могло бы быть при кровотечении из носа. Но дальше следовал большой вопрос и никаких следов. Все вещи тестя оказались на месте в спаль-

не. Даже мои зимние тапки с мехом внутри, что я дал ему, чтобы не мёрзли ноги, нашлись в комнате за мини-шкафом с маленькими полками. Итак, не мог же Сергей Иванович ускользнуть из дома в одной пижаме. Или всё же мог?

По пути назад мы решили, что сначала всё расскажем Наташке и Лешему. Инга тоже должна знать. А вот истеричной Светке ни к чему беречь неустойчивую психику. Вот только как сказать обо всём теще? «Вот так запросто!» – хихикнул внутренний голос.

Мы таки посетили маленькую кладовку с инструментами, находившуюся под лестницей. Вооружились топориками и молотками. Наконец, мы оказались на кухне. Тихие голоса. Тепло. Ласковый уют, создаваемый синеньким огоньком включённой плиты, и запах травяного чая. Обыденность и успокаивающий комфорт.

«Нужно бы поставить кофе», – посетила мысль. Заряд кофеина хоть чуток, да поможет морально настроиться, перед тем как оповещать тещу.

– Саш, а Саш, чего ты такой хмурый? – шутливо попыталась подобраться ко мне жена. Я погладил её по голове. Она затихла и побледнела, наверное, что-то читая в моих глазах.

– Что случилось? – совсем другим тоном спросила она, нервно запуская пальцы в волосы.

– Сергей Иванович исчез, – хрипло выдавил из себя я и перевел взгляд на сидевшую за столом тещу. Чашка чая выпала из её рук и покатилась по столу. Клавдия Петровна рез-

ко встала со стула и вдруг снова, покачиваясь, села, как если бы её ноги вдруг потеряли устойчивость. Женщина застонала:

– Нет, о господи, нет...

Её дрожащие ладони скрыли лицо. Всё тело женщины затряслось мелкой дрожью. Она плакала беззвучно.

Я вдруг почувствовал себя трусом и подлецом одновременно. Жалость к теще встала в горле комом. Зная её склочный характер, я ожидал совсем другой реакции. Чего угодно. Грома и молнии. Удара по лицу. Крика и обвинений, но не этого.

Шумно вдохнув, Клавдия Петровна отняла от лица ладони и, враз собравшись, снова нашла в себе силы встать. Гордо расправив плечи, с запавшим бледным лицом, она устоялась на нас с Наташкой неким целеустремлённым взглядом, поджала синеватые губы и объявила:

– Хватит бездельничать! Давайте все вместе поищем моего мужа. И – немедленно, слышите меня, немедленно звоните в МЧС, в полицию, хоть в ФСБ звоните, чёрт возьми, – выдохнула она и покраснела, тяжело дыша, устоялась на меня.

Я растерялся и неуверенно отчеканил, стоя по струнке, как в армии:

– Конечно, Клавдия Петровна, сейчас мы с Лешим и Казановым всё организуем и пройдемся вокруг дома.

– Я пойду с вами, – решительно сказала Наташка.

– Я тоже, – растерянно произнесла Инга, замершая на по-

роге кухни.

– Ни в коем случае, – упёрся я, подбираясь к стоящему возле микроволновки, редко использовавшемуся радиотелефону. По закону подлости, и у него тоже закончилась подзарядка. Матюгнувшись про себя, я уточнил ранее опущенные детали.

Мы с корешами заставили женщин вооружиться и оставаться в гостиной. Вопреки нашим стараниям, Светка тоже всё узнала. Общая возня и шепотки вырвали её из крепкого сна. И, кое-что услышав, женщина тут же стала задавать вопросы.

Пришлось срочно заваривать ей травяной чай с ромашкой и капать на сахар валерианку. Зато дамы переключили всё внимание на подругу, временно позабыв про нас.

Наша мужская тройка прочесала дом, не обнаружив ничего нового.

Мы битый час дружно кричали в тёмный подвал, куда ещё не провели электропроводку, с крутой, недоделанной лестницей да частично земляным полом. Глупо туда соваться – есть риск свернуть себе шею.

Отчаявшись, мы закрыли на задвижки все окна и двери. Снова зажгли камин. Вставили запасные батарейки в то ли перегоревшие, то ли отсыревшие фонари.

Затем наша тройка удальцов, одевшись как можно теплей, подобрав себе то, что подходило из моих вещей из гардероба в спальне, вооружившись топориками и фонарями, в дож-

девицах выбрались из дома, чтобы прочесать близлежащую территорию.

Всегда осторожный Казанова предложил, что лучше всего кому-то (то бишь ему, конечно же) ехать на машине и светить по пути фарами, а остальным идти рядом и кричать. Увы, смеяться мне или плакать – не знаю, но его дороженный мерс не завёлся. Дружбан в сердцах матюгнулся, стукнул по капоту и с надеждой подошёл к моей «ниве». Я, стараясь подавить нервный смешок, неторопливо вставил ключ в зажигание и повернул его. Тишина. Затем проделал эту манипуляцию снова. Моя верная, пусть и старенькая машинка не издала ни звука. Теперь мне уже было совсем не до смеха.

«Нива», старая, добрая, езженная-переезженная нива, никогда ещё не подводила меня, даже в лютый мороз заводилась с первого поворота ключа. А тут что выходит? Облом. Не иначе чёрт меня дёрнул проверить капот. Двигатель был вырван с корнем, только зияли оборванные провода. Шок – это ещё слабо сказано. Колени мои задрожали, и я чуть не шмякнулся пятой точкой на землю. Холодный ветер тут же сорвал мой капюшон, заполз за воротник. На душе стало тошно и неожиданно страшно. Кто-то, значит, шутил. Значит, всё всерьёз. «Да хватит уже сомневаться!» – ехидно твердил внутренний голос-червячок.

Смех Казановы с бульканьем стих, едва зародившись в горле. Он тоже проверил свой мерс и разглядывал ту же картину: двигатель вырван с корнем и нигде под ногами не ва-

лялся.

Леший, как заправский идиот, всё пытался придумать рациональное объяснение событиям, но сквозь усилившийся вой ветра мы едва расслышали, что он там лопочет. Я прислушался к своему внутреннему голосу и вместе с ним погрузился в раздумье. Разве Сергей Иванович мог ни с того ни с сего ошалеть и повернуть с нами такое вот дерьмо?

Мы с внутренним голосом на пару разом покачали головой. Подозвав к себе рыскающего в одиночестве по темноте, пока ещё не успевшего (явно по глупости) как следует испугаться Лешего, мы рассудили, что в дом пока возвращаться рано, но и поиск команды из нас троих в такую погоду и темень – явная бесполезная трата сил.

Ветер заглушал крик, а пешим ходом по грязи, против ветра и лупящего в глаза дождя, пусть даже с фонариками, – всё равно лежащего тестя, не заметим, например, в той же неприметной канаве. Посоветовавшись, мы вдруг осознали простую, но важную истину: нужно срочно вызвать помощь.

Леший и я бегали быстрее, чем забросивший спорт офисный планктон Казанова. Поэтому было ясно, кто отправится в деревню. Казанова же должен был оставаться на стреме в доме и защищать женщин, а если хоть одна телефонная батарея чуток подзарядится, то с помощью инета или простым звонком ему следует вызвать подмогу.

Казанова уже почти зашёл в дом, как его осенила идея. Он крикнул нам ждать его и быстренько притащил мой теле-

фон с подзарядным устройством. С победоносной улыбкой непризнанного гения он предположил: вдруг у кого из деревенских старожил не вырубил, как у нас, электричество, и тогда я смогу сам подзарядить телефон и немедленно связаться с полицией. Я улыбнулся в ответ. «Эх, Казанова, действительно чёртов гений».

Я взял свой телефон с собой. Мы с Лешим чуток передохнули, собравшись с духом, постояв на веранде. Затем двинули вперёд, взяв только фонарики и топоры, да мой телефон с подзарядным устройством, обёрнутый в целлофановый пакет, тут же заброшенный в карман ветровки.

Стоило выйти за привычный глазу участок, как исчез высокий, местами не доделанный забор, и ветер швырял дождь прямо в лицо. Бежать, даже пригнув голову, без риска убиться не получалось, да и идти быстрым шагом тоже не выходило. Стоило чуток поднять голову, как ливневый поток тут же заливал глаза и ноздри, грозя утопить. Проклятый ветер на открытой дороге, казалось, задувал со всех сторон сразу, наверное, собирался подбросить нас кулем в воздух, но мы упорно сопротивлялись его потугам и медленно шли вперёд. Так он просто играючи почти сбивал с ног.

БАМ-БАМ-БАМ! Ритмичный стук и непрекращающийся шелест дождя напрочь глушили все звуки – и, чтобы что-то услышать, приходилось почти что кричать. Мы с Лешим на пару шли цепочкой и, когда по пути видели очертания кустов и канавы, то внимательно приглядывались, подсвечивая

туда-сюда фонариком, и громко звали Сергея Ивановича по имени.

Наш общий голос сливался с дождём и звучал по-настоящему глухо и оттого жутко. Увы, моего тестя нигде не было видно, и только противно чавкала грязь под ногами. Хлюп. Хлюп. Чавк-чавк.

Наконец, мы добрались до колонки, за которой находилась первая по пути от нашего дома маленькая хатка. Тусклый свет фонарика едва пробивал потоки льющего с неба дождя. В хате все ставни закрыты. Собачья будка пуста, и шустрая псина, которую я часто видел клянчащей что-то съестное возле продуктового магазина и мусорных баков, когда ездил в дом с ремонтом, куда-то исчезла. Не слышно её писклявого заливистого лая. Тихо. Только наши глухие и надрывные крики отчаянно пытаются прорваться сквозь пелену дождя.

Так и драли горло, устав и не дождавшись ответа, да барабанили в калитку тоже без толку. Затем решительно перескочили через небольшой заборчик и постучали в дом. Снова нагло скалящаяся в недоброй ухмылке ночная тишина. Никто нам так и не открыл.

Я не помнил всех деревенских поимённо, кроме шустрой бабки Маланьи, торгующей своими огородными разносолами на рынке. Ну и ладно. Пришлось не солоно хлебавши топтать дальше. Следующий дом тоже оказался пуст. А вот в окне бабки Маланьи тёплым янтарным светом горела керо-

синка.

Мы кричали со двора, и, наконец, где-то в её старой, ещё довоенной с виду хате хрипло затыкала собака. Бабка шустро открыла дверь, крепко держа в руках остро заточенный серп. Мы опешили и попятнулись, чуть не зацепившись за просевшую ступеньку. Маланья цокнула языком, выставляя напоказ щербатые зубы.

Леший первым пришёл в чувство и чуть пискляво, но выдал из себя:

– Добрый вечер. Мы... – замямлил он, зачарованный блеском серпа.

– Заходите, чего уж там, – сказала бабушка, прищурившись как следует, осмотрев нас, на пару минут став похожей на сморщенную сливу. Из-за спины Маланьи резво выглянула лохматая мордочка мелкой собачонки, которая тут же зарычала.

– Тыц, Куська, – сказала бабка собаке и слегка пихнула её ногой, возвращая в дом.

Мы вошли в предбанник, дальше в хату Маланья пока не пускала. Внутри, за закрытой, обитой мягким войлоком дверью, по-родному уютно всем телом ощутилось тепло – и в ноздри ударил запах хвойной смолы. Наверное, она топила печку еловыми поленьями.

– А ну, молодежь, руки из карманов вынуть! – резко сказала Маланья, наставив на нас серп, опять огорошив и заставив раскрыть рты от неожиданности. Затем бабка ловко

обыскала нас, даже не запыхавшись, и только тогда, удовлетворённая проведённым осмотром, впустила в хату. На са- модельной полке под разлапистой вешалкой сиротливо стоял старый дисковый телефон.

– Трещит гад, – сказала она, указывая на телефон длинным пальцем, – и телевизор тоже не пашет, – продолжила разговор. – Радио вот час назад как заглохло. И знаете, добрые молодцы, – прошептала бабка, точно делясь с нами страшным секретом, – я слышала крики на соседнем дворе. Орали дико, точно кабана резали. Только вот не вышла я с хаты, побоялась. Куська и то вот хвост поджала. Не к добру это, скажу я вам, – вздохнув, выговорила Маланья. – Ох, не к добру, – повторила она.

– Можно у вас подзарядить телефон? – выслушав её и переждав пару секунд, когда бабка снова посмотрит на нас, попросил я. – Мы позвоним в город, вызовем полицию, у меня это... тещь пропал, – я кашлянул, уточняя.

– А у меня кошка ещё вчера, как дождь начался, пропала. Ох, выла где-то в огороде окаянная. Хоть уши затыкай. А ты, милоч, – обратилась бабка к Лешему, точно и не слышала мою просьбу, – чаю липового с мёдом не хочешь?

Леший застенчиво улыбнулся и, пожав плечами, сказал, что с удовольствием выпьет чаю.

Пока мой обаяшка кореш согревался чаем, я подзаряжал смартфон, радуясь, что зарядку удалось впихнуть в настенную розетку. И, пока телефонная батарея потиху оживала, я

спросил у бабки, ласково поглядывавшей на Лешего, точно на родного сына:

– У вас тут много народа живёт? Или больше просто выкупленные дачи-участки приезжих, городских?

– Эх, сынок, местных немного, десяток едва наберётся. Сивой, местный забулдыга, через пару домов живёт. Пару моих товарок-одногодок живут через два дома. Продавщица сельпо, старая дева Алка, с матерью-инвалидом в кирпичном домишке проживает. Да давным-давно отлучённый от церкви поп в самой дальней хате из всех тутошних хат кротом нелюдимым обитает, а остальные дома, – зевнула она, – так, дачи. – Либо просто пустуют, брошенные, да ещё недострой кругом, – пояснила Маланья и, снова смачно зевнув и наконец более приветливо глянув на меня, неожиданно предложила чаю.

Чай согрел, придал сил. Леший без стеснения заедал мёдом. Сладёна. Наконец чуток подзарядился телефон. Я сразу позвонил в полицию. Равнодушный оператор сообщил, что сеть перегружена и все звонки перенаправляются на автоответчик. Я позвонил в МЧС. В ответ услышал то же самое дерьмо. Я в сердцах выругался про себя, сжимая кулак. Тестя нужно найти. Я задал бабке прямой вопрос:

– Так, сколько деревенских мужиков поможет мне в поисках Сергея Ивановича за солидное вознаграждение?

– Если добудите их, голубчики, – не то крякнула, не то усмехнулась бабка, – то за водку не откажут высунуть свои

носы из хаты даже в такую, прости Господи, срань мокрячью, – сказала Маланья и погладила свою Куську по чёрной макушке.

– Благодарим, Маланья, – сказали мы с Лешим в унисон и поспешили покинуть хату.

– Кстати, бабка, добро не забудем, – застопорился я у порога и добавил, протягивая ей свой телефон с подзарядным: – А можно, мой телефон ещё чуток на подзарядке побудет, пока по деревне бегать будем?

Она взяла телефон, кивнула и заперла дверь.

Дождь слегка уменьшился, а вот ветер никак не сбавлял напор. Мы с Лешим включили фонарики и поспешили обойти дома остальных соседей. Нам чертовски сильно требовалась помощь.

Снова нарвались на пару пустующих домов: неужели снова дачи? Да не верю. Хоть пусть мы видели дома смутно, почти что в крошечной темноте да при тусклом свете фонаря, с виду они совсем не походили на дачи, тем более на недострой.

Мелкие покосившиеся хатки и такой же прогнивший забор могли быть либо просто нежилыми, либо являлись пристанищем деревенских обывателей.

Мы, как могли, ускорили темп и, сопротивляясь ветру, пёрли дальше.

Сивой, или как его там звали, дверь не открыл. Он на всю громкость слушал в хате музыку. Старые, совсем ещё дово-

енные песни. Бухает, наверное – переглянувшись, подумали мы и вошли в дом. К удаче, дверь была не заперта.

В хате разгром, а сквозь единственное незаколоченное окно свищет ветер. И пусто кругом, хоть шаром покати. Мы выключили стоявший на табуретке у железной кровати магнитофон-радиоприёмник. Обыскали весь дом и даже в сарай заглянули. Всё, что нашли, – следы когтей на мокрых, точно заиндедевевших стенах. И размытые широкие следы на полу, в комьях грязи.

Бред какой-то. Переглянувшись, мы с Лешим поспешили до следующего дома. Происходило что-то не вписывающееся ни в какие рамки. Куда в здравом, даже в пьяном уме можно было уйти в такую погоду?

По пути следовали один за другим пустые дворы и ни единой будки, из которой бы нам вслед зарычала сраная шавка. В обычную пору здесь пешим ходом вообще не пройти – мигом облает разношёрстная свора, не разбирая чужих и своих. Поэтому я утром в выходные дни тут и не бегал. Только в сторону тихой и спокойной Камышовки.

Мы обошли все пустующие с виду дома стороной. Нигде не горел свет. Как вымерли все, причём разом. Усталость злобно играла по взвинченным нервам.

Дом попа-расстриги находился в самом конце дороги. Он заметно отличался от всех домов в деревне. Затейливые рисунки на стенах точно из русских народных сказок: рыбки, морские города, русалки, кони, богатыри на мощных лоша-

дях с развевающейся гривой. Сделанные вручную лебеди из шин и пластиковых бутылок, а также украшения из стекла на клумбах, на крепком и ладном заборе и навесе над парадной дверью.

Мы громко постучали в деревянную калитку. Мужчина в куртке с капюшоном на голове вышел из дома, заметно покачиваясь, точно пьяный. Высокий и тощий, с всклокоченными волосами и заскорузлой бородой, он буркнул нечто, сродни не то неясному вопросу, не то приветствию. Затем рыгнул, укрывая рот рукой, – и жестом дал понять: мол, заходите в дом.

Внутри было удивительно чисто и обставлено по-спартански скупо. На стенах красивые иконы. Полка, плотно уставленная книгами. Выбеленная известью печка. Окрашенные в неброский цвет стены. Чистый дощатый пол, и ни в едином углу ни следа паутины, ни соринки.

На столике расставлена нехитрая снедь. Картошка да огурцы, крохотный брусок сала да большая, почти пустая бутылка самогонки.

Я всё разглядывал то хату, то мужика да думал, стоит ли просить его о помощи. В состоянии ли хмельной поп нам помочь?

Леший всё пялился то на люстру, то на красиво размалеванный потолок. Наконец бывший священник покряхтел и спросил, зачем пожаловали. Я вздохнул и рассказал ему всё разом – как про тестя, так и про незваных гостей. Мужик

взялся за голову и сказал:

– Эх, а я думал, помощь по хозяйству какая нужна, и вдруг ещё самогоночки или водки мне за то перепадёт. Но, видно, на всё воля Божья.

– Так вы поможете нам или нет?! – воскликнул я, начиная терять терпение.

– Вишь, сынок, когда водочки нет, сил нет. Каб водочка на столе была, так сразу принялся бы я за дела, – усмехнулся бывший священник собственной нелепой шутке и внезапно, чуть помпезно представился, протягивая нам жилистую руку: – Анатолий. Но, можно просто Толик.

Я сказал, что водка есть дома.

– Ну, тогда я соберусь, что ли, – хмыкнул священник и юрким ужом стал суетиться по хате, собираться.

Вскоре мы втроем выбрались на улицу, Леший со священником потащились ко мне домой, а я зашёл снова к бабке Маланье за телефоном – и очумел, когда разглядел, что...

Окна в её хате были разбиты, а в комнате гулял себе раздольно ветер, от собаки Куськи остался только хвост, да ухо, да пятна крови на полу, и скрученный в бараний рог серп. Меня заколотило от гнева, злобы и всё усиливающегося страха.

Снова взгляд впечатался в царапины на стенах. Я выругался, когда обнаружил, что мой телефон раздавлен, как жук, по полу. Штекер с корнем выдернут вместе с розеткой. Твою ж мать. Холод прошёлся по позвоночнику, я буквально ощу-

тил чей-то пристальный взгляд. Но вокруг только влажные, едва покрытые налётом изморози стены. И всё же... Я пулей выскочил из хаты и поспешил за Лешим и бывшим священником вдогонку. Не чувствуя ни ветра, ни капель дождя, злобно бьющих в лицо.

Вернувшись в дом, мы попали в самый разгар переполоха. Все взволнованные и на ногах, даже малая Ленка.

Наташка взяла меня за руку и, точно заговорщица, прошептала мне на ухо: мол, наверху не всё ладно, и мне нужно всё это увидеть самому. Я только кивнул, глядя в её обеспокоенное лицо с нервно поддёргивающимся веком левого глаза.

Казанова стоял в гостиной и выглядел так, точно получил обухом по голове. Бледный, потный, взъерошенный, он глотал коньяк прямо из бутылки, как воду. На нас не смотрел и криво так, психованно улыбался.

Леший пытался узнать, в чём все-таки дело. Но пока не преуспел. А вот поп Анатолий сохранял спокойствие, выжимал рукава своего свитера прямо на пол и грел руки возле камина. Инга и Светка, обнявшись, сидели на диване, укрывшись плёдом, рядом с задумчиво смотревшей в стену Клавдией Петровной, гладившей по голове Ленку. Дамы то и дело затравленно всхлипывали, точно мышки-норушки, обсуждающие проделки злощест и страшной кошки.

Инга и Светка да неменяемый Казанова снова идти наверх отказались.

Наташка выпила стопку коньяка для храбрости, предложила мне и Лешему для разогрева. Поп не дал, выпил за нас двоих сам, вытер рот, хыкнул и сказал: мол, пошли.

Лестница скрипела при каждом шаге. Ковёр хлюпал, разбухший от воды. В разбитое окно голодно и зло свистел ветер. А вот стены были исполосованы, точно по ним провели гвоздём длинную тонкую линию. Ведущая в мастерскую дверь точно прогнила изнутри. Мягкая, как пластилин, раскрытая нараспашку, она почти прилипла к стене. Но дело было даже не в этом...

– Оно тёплое, – сказала Наташка, указывая на серо-белую штукатурину, которая походила на гигантский футбольный мяч, заброшенный в угол.

– Ели это то, о чём я думаю, то оно стало больше, – отрешённо сказал я. Леший тяжело вздохнул, вытаращил глаза и тут же взялся за голову.

Поп враз позеленел и тут же помянул разом и чёрта, и всех святых, затем подошёл к штукатурине и что-то на неё сыпнул.

Серый дымок взметнулся вверх, от жалобного воя, прокатившегося по комнате, волосы встали на затылке дыбом. Наташка шмыгнула мне за спину. Я моргнул, инстинктивно отступая в сторону.

Бывший священник бросился вон из комнаты с ором:

– Нечистая сила, батюшки, караул!!!

Дым оставил в комнате запах протухшей рыбы и жжёной, точно от горького миндаля, горечи, вызывая рвоту. Фонарик

с тихим шипением погас. Повеяло холодком. Фонарик мигнул и вновь включился, как если бы в кинокадре возникла секундная пауза. А штукавина в углу, мать твою, просто исчезла.

– Уходим, – сказал я, затем повторил уже громче, схватил Наташку за руку и потащил её прочь из мастерской. Леший впал в ступор – и мне пришлось прокричать у него возле уха, чтобы он снова включился в жизнь.

Сердце в груди билось, как проклятое. Я, здравомыслящий человек, не мог, объяснить себе произошедшего. Столкнулся с иррациональным явлением, как в штампованных телепрограммах. Но нужно как можно быстрее найти помощь. Нет, нужно бежать из дома. Инстинкт подстёгивал, тревожно вопил о нависшей над всеми опасности. Как вовремя.

Мы бегом спустились вниз. Истошно визжал кто-то из женщин в гостиной.

Так. Светка визжала, а Инга крепко сжимала в руках нож. Как оказалось, исчезла Ленка. Вот так запросто исчезла из гостиной, только что бывшая у всех на виду. Как по волшебству.

За окном, снова точно усмехаясь над нашими бедами, забарабанил усилившийся дождь. А зарницы полыхали одна за другой, рисуя в небесах ослепительные зигзаги.

Мы снова переворошили весь дом. Инга тряслась и рыдала, заламывая руки на пару со Светкой, впавшей в ступор от

шока. Женщина всё говорила, что мельком видела на стене, над диваном, где спала Ленка, тень мужчины с длинными руками.

Наташка опустошала запасы валерианки в аптечке. А тещу, принявшую снотворное, уже ничто не могло разбудить.

Паника сковала весь дом, наполнив его удушающе тягостной атмосферой. Леший, я да пьяный вдрызг, но уже лучше соображающий Казанова мерили шагами комнату. Никто из нас не находил себе места. Только поп сидел за столом на кухне в одиночестве и всё что-то думал да втихую попивал то кофе, то водку.

Я несколько раз порывался вновь выскочить на улицу и сделать хоть что-нибудь. Да, вот поп притащил с кухни водку, нарезал колбасы и налив себе стопку, гакнул, закусил колбасой и стукнул кулаком по дорогому журнальному столику, сказал:

– Ну, что, бедокуры, рассказывайте всё мне снова в деталях и по порядку, не утаивая больше никакой чертовщины. А вдруг чем и помогу, – твёрдо добавил он. Что-то в его тоне было обнадеживающее.

Он слушал нас всех сразу, всё и кто что видел, не перебивая, иногда поддакивая и неразборчиво хмыкая. Его глаза ясно блестели, видно, что он пребывал в своём уме и твёрдой памяти, а водка на священника действовала стимулирующе, подстёгивая мышление. Наташка, не знающая, чем себя занять, просто заварила кофе и принесла поесть, парой

подносов опустошив холодильник, Леший выдохся первым и просто стал нервно жевать все, что попадало под руку, в том числе сало, которое дико не любил, но он, похоже, совсем извёлся и не соображал, что делает. Меня стал душить истерический смех, и я жадно пил кофе, одну чашку за другой, не в силах остановиться. А Наташка хрустела мятными леденцами. Казанова же, точно Молдер из «Секретных материалов», состроил заумный вид и видно по пьяни выдвигал абсурдные предположения, одно за другим.

– Итак, как я понял, – бодро сказал Анатолий, – все странности в доме начались, когда шкаф установили в мастерской. – Затем добавил, чем и вовсе сбил нас с толку: – Соль в хозяйстве есть?

– Конечно, на кухне, – нахмурившись, сразу ответил я.

– Нужно осмотреть шкаф, а там будет видно, – загадочно оборонил поп и первым направился к лестнице на второй этаж.

Опять наша тройка эдаких мальцов-удальцов сопровождала отлучённого от церкви попа в мастерскую. Забыл упомянуть, что, когда нервничаю, на ум приходят дикие и абсурдно-комичные мысли. А вот женщины остались в гостиной, крепко держа в руках топоры, ножи и фонари. Обещали громко кричать, если что-то произойдёт.

На полпути вверх поп сказал, что нужно взять с собой соль, и я замыкавший цепочку, в храбром одиночестве потащился на кухню. Не ощущая страха, наверное, от избытка

кофеина, я твёрдо держал в руке нож и нещадно чадящую свечу.

Соль нашлась в нижнем кухонном шкафчике. Я взял непечатый килограммовый мешочек и снова потащился вверх по лестнице, к ждущим там друзьям и отлучённому от церкви попу.

Итак, шкаф стоял себе спокойно на месте. А в комнате фонари не работали, и только коптящая свеча дала возможность разглядеть на полу потёки воды, грязь и отчётливые следы мужских ботинок, предположительно размера эдак сорок четвёртого.

Это явно был кто-то пришлый. В деревне великанов не водилось. Я бы, наверное, заметил: столько месяцев самолично ремонтировал дом. Хотя если он одиночка, да ещё нелюдимый... То... Снова в голове сумбур.

Анатолий громко сказал:

– Поехали! – и, открыв пакет соли зубами, щедро сыпнул себе на руку, затем перекрестился и бросил соль на шкаф. Шших. Соль зашипела и с дымком исчезла на поверхности шкафа. Раздалось протяжное, неохотное: «Скрип», и дверца шкафа отворилась сама по себе.

– Что это? – тонко, как-то по-детски, спросил Казанова, и все кроме попа отступили в сторону.

Я нервно фыркнул. Наташка резко вцепилась мне в плечи. А из шкафа показался длинный нос, затем и всё лицо, на котором, точно острые зубья капкана, блеснули зубы. Дверь

в мастерскую захлопнулась у нас за спиной, а должна была от такого сильного толчка вообще развалиться на части.

Выпростав руки вперёд, из шкафа в мастерскую выбрался мужчина. Огонёк свечи совсем затрепетал, рисуя на стене контуры его кособокой тени.

Широченные плечи ещё больше расширились, а глянешь прямо: вот он – всего метр с кепкой. Совсем не страшный.

Он выкатился из шкафа гладко и стремительно, точно шар по маслу. Наташка взвизгнула и ногтями пребольно впиалась мне в плечи.

Мужчина ухмыльнулся – и вдруг остро запахло прогорклым жиром. Свеча почти погасла, а на его руках вмиг блеснули острые когти, как у хищного зверя.

– Кто ты такой? – спросил я. Жуть накрыла с головой, сдавливая кишки в тугий узел, примораживая ноги-истуканы к полу.

Мы все замерли, превратившись в зачарованные монолиты. Свеча снова мигнула и едва трепетала, потухая, а поп возьми да швырни всю соль на карлика. Хлопок. Треск. Зловоние и последующий за всем истошный визг боли. Поп во весь голос заорал:

– Заклинаю святым духом, прочь изыди, нечистая сила!
Всё стихло и исчезло.

Внизу завопили.

Я первым оказался у двери и, толкнув её, выбежал на лестницу. За мной, как ошалелый, следовал Казанова, поп да На-

ташка. А Леший поскользнулся в луже и чуть не угробил нас всех, едва не столкнув с лестницы.

В гостиной Инга и Светка толпились возле лежащей на диване Клавдии Петровны. Лицо женщины в свете свечей выглядело неестественным – пепельно-серым.

– Что с тобой, мама. Мамочка! – всхлипнула Наташка и бросилась к матери.

Инстинктивно я схватил вырывающуюся жену и крепко прижал её к себе. Внутри всё звенело, разрывая на части. Опасность. Опасность. Наверное, жена сама поняла, что не всё ладно, как следует разглядев свою мать в свете свечей, – и больше не рвалась от меня прочь, как резвая псина с цепи.

С тихим звуком кожа моей тёщи вспучилась мыльным пузырьком и просто стекла с кости, обнажая мышцы, сухожилия да черепную кость. Затем она вся внезапно растеклась по дивану зловонной серой слизью. Наташка закричала – и вдруг, прикрыв рот рукой, забилась в истерике. Я сжимал её крепко, как мог, шепча что-то ласковое.

Над диваном зияло круглое заиндевевшее пятно.

– Дамы, – пытался взять себя в руки Казанова, обращаясь к онемевшим Светке и Инге.

– Что здесь произошло? – перебил священник, только зашедший в гостиную. – Что вы видели? – спросил он повелительно. – Ну же, соберитесь и скажите мне. Это очень важно!

– Мы сидели возле камина, грелись да шептались, делились воспоминаниями. Услышали стон, – сглотнув, очень ти-

хо произнесла Инга.

– Она как каркнула, – сказала Светка, вмешавшись в разговор, и тут же прижала руки к лицу, затем отняла и продолжила говорить: – Свечи трепетали. Воняло, и огонь в камине едва не погас. А ветра не было, только холод.

– Мы подошли, а над ней висело что-то круглое и зубастое, – прошептала Инга. Её подбородок подрагивал.

– Оно буквально прилипло к её лицу, – уточнила Светка. – Инга даже табуреткой его ударила. Смелая у меня подружка, правда, же, – взяла Ингу за руку.

– Затем оно в стене исчезло, – снова всхлипнула Светка.

– Так и было, – сказала Инга и истерично рассмеялась. По её лицу ручьём стекали слёзы, а она всё смеялась и смеялась, пока Леший не отвесил ей пощёчину.

– Чертовщина, происки бесовские, – утвердил поп и добавил, что нужно срочно освятить дом.

– Полицию нужно вызвать, – сказал Леший.

– До города нужно добраться и полицию вызвать, – отчеканил, меряя шагами гостиную, Казанова.

А я вообще намеревался оповестить всех о том, что нужно сматываться из дома, как можно быстрее, и не разбираться, что здесь происходит и почему. Неужели это никому из присутствующих неясно? Я почти что выразил свои мысли вслух, как наверху раздался злорадный, играющий на нервах смех.

Разом похолодало, да так, что застучали зубы. Шмяк – со

всплеском послышалось со стороны дивана, где лежала тётца. Ощутимое чувство, что в гостиной кто-то есть, пронзило нутро. Бульк – что-то упало на пол.

– Ааа!!! – первой заорала Инга и побеждала прочь из гостиной.

Наташка бросилась за ней, больше не цепляясь за меня. Светка всё щёлкала зажигалкой, пыталась запалить свечу.

Я слышал, как скрипит, прогибаясь, пол. Далёкая вспышка молнии едва пробилла темноту, застывшую густым киселем в гостиной. Глухо загрохотало за окном. Священник начал читать молитву: «Отче наш, иже еси на небеси». Его голос звучал твёрдо, путеводной звездой во тьме.

Новая вспышка молнии резко и отчётливо осветила комнату, обнажив карлика с ногтями длинными, как в фильме про икс-менов, только его когти были чуток загнутыми – и с них что-то капало на пол. Но хуже всего было то, что возле дивана находилась неведомая хреновина, пропавшая из мастерской. Пульсирующий мягкий шар напоминал яйцо-кокон, который шевелил сотнями ворсистых отростков, антеннами подрагивающих в нашу сторону, являя собой некий орган осязания-обоняния.

С глаз будто бы сорвало пелену. Меня затошнило от омерзения. Ужас засосал под ложечкой. Сердце бухало, как на внезапном преодолении стометровки. Вот только проклятые ноги заостенели – и я, как ни пытался, никак не мог сдвинуться с места. Лишь слышал, как громко и яростно грохо-

тал за окном гром.

Проказливо грозя пальцем, ухохатывался безумный карлик, подступая всё ближе, точно прекрасно зная, что мы все, оставшиеся в гостиной, просто не можем убежать.

Голос попа всё крепчал, внушая внутреннее знание: мол, молись пока не поздно. Сделав долгий и глубокий вдох, я начал повторять за ним. Слово за словом снова обретая контроль над телом.

Вдруг все разом мы хором стали молиться. Все уверенней и громче. Внезапно смех карлика стих, захрипел и резко, с карканьем оборвался. Ярко вспыхнули свечи в руках друзей. Округлая мерзость барахталась, скользя в серой жиже, в которую превратилась тёща. Затем она подняла дыбом ворсинки и с недовольным шпоканьем оторвалось от пола, юркнув в стену, и исчезло в заиндевавшем проёме. Карлик, скособочившись, нырнул следом за ним.

Секунда другая – и всё стало, как прежде, нормальным. Мы снова могли дышать и двигаться. Поп перекрестился, сказав: «Чур меня... Свят, свят, свят...»

Больше ничего не обсуждая, мы дружно собирались просто сбежать. Как оплеуха, в глубине дома раздался отчётливый детский крик, полный отчаяния и ужаса. Ленка!

– Пожалуйста, не бросайте её! – умоляюще вскрикнула Светка и всхлипнула.

На хмуром лице Лешего и ошалевше-потерянного Казановы отчётливо проступало сомнение. Тишина. За окном

молнии вновь и вновь полосовали небо. В свете всполохов и свечей мы видели расширенные от ужаса и шока глаза друг друга. Инга сочувственно схватила Светку за руку. Наташка плакала, снова болезненно крепко сжимая мне плечи, неловко обнимая и пряча лицо у меня на груди.

– Мамочка, что же теперь... – сквозь рыдания я различал её слова, тихие, но режущие ножом сердце.

– С бесовщиной нужно бороться крестом, постом, да молитвой, – громко прорезал тишину бас попа. – Можно освятить воду. Крест то у меня при себе имеется, – со знанием дела, добавил Анатолий.

Мы не могли бросить в доме Ленку. Никак. Поэтому все вместе направились на кухню. Казанова и Леший остановили меня в коридоре и шепнули, что женщинам нужно уходить из дома одним. Пусть спасаются. Бегут прочь, лишь бы подальше отсюда.

– А девочку мы найдём и не сдадимся так просто, пусть это и чертовщина, хрен с ней, – сказал я шёпотом Наташке на ухо и добавил, чтобы с подругами делала ноги.

Женщины намеревались выйти через кухню и только подошли к двери, как священник неожиданно крикнул:

– Стойте!

Анатолий первым подошёл к двери и брызнул на неё святой водой из глубокой тарелки, которую несколько минут назад освятил с помощью молитвы и креста. Стоило каплям коснуться её поверхности, как дверь, будто бы живая амёба,

прогнулась внутрь и, подобно упругому ластик, снова выпрямилась. Теперь мы отчетливо видели, что это и не дверь вовсе, а что-то другое. Мокрое, искрящееся не то инеем, не то паутиной.

Все растерялись, но отошли от двери подальше.

– Давайте в окно, – тихо предложила Наташка.

Женщины направились к большому окну над гарнитурным кухонным столиком, где моя жена так часто резала на разделочной доске овощи. Белый, как горящий магний, свет молнии высветил, что с подоконника что-то подтекает. Что-то липкое, прозрачное, как сопля, оно шлёпалось на поверхность стола и затекало в раковину. Столешница нездорово серебрилась инеем. Я моргнул. Хотелось себя ущипнуть, чтобы не погружаться наяву в кошмарный сон, окончательно теряя связь с реальностью. Глянул на часы на холодильнике. Стрелка не двигалась. И тут я понял, что не слышу вообще ничего. Ни дыхания, ни ветра за окном, ни грома. Инга уже подошла к столу, намереваясь открыть окно. Она что ослепла?

– Нет!!! – с надрывом крикнул я и бросил первое, что попало под руку, в окно. Это было махровое полотенце для посуды. Оно буквально всосалось в стекло.

– Морок. Бесы снова нас водят за нос, – оповестил всех поп.

Значит, из дома так просто не выбраться. Злость неведомо на кого душила, и я матюгнулся, сметая собственный страх

той же злостью, – и сказал, обращаясь к попу, крепко потряхивая его за свитер:

– Раз такой умный, то что нам делать? Что делать, Анатолий!?! – рывкнул я, чувствуя, как скрипят зубы и брызжет изо рта слюна.

Он почесал взъерошенные волосы, затем, задумавшись, отрешённо смотрел то на стену, то на блестящие молнии за окном. Наконец, измученным голосом выдавил из себя:

– Час от часу не легче. И ведь во сне такое привидеться, не могло, да? – криво ухмыльнулся он, – что ужоу в такую знатную передрагу. Предлагаю выманить их и сжечь напалмом. Водка, спиртное же у вас найдётся?

– Нужно оставить женщин в безопасном месте, – как-то пискляво выдавил из себя Казанова.

– Где ты видишь здесь безопасное место, а? – окрысился я на друга.

Казанова сразу заткнулся.

– Мы не будем разделяться, – подала голос Наташка. – Так девочки? – спросила моя жена.

Женщины, сбившиеся в кучу, кивнули. Вот только свечи больше ни в какую не зажигались. Кто бы тут что подумал про возникшую аномальную зону и потерявшие своё привычное значение законы физики?

– Спички в столике. Всё спиртное в баре и остатки в холодильнике, – озвучил я свои мысли.

Поп громко хохотнул и тут же открыл отключившийся

без электричества холодильник. В темноте стал шарить наощупь, пока я не догадался включить газовую плиту. Опа. Зажглась. Так Анатолий вытащил из холодильника водку и, открыв пробку, тут же стал жадно глотать, точно страдающий от жажды в пустыне. В этот момент все, что он сказал раньше, все его уверенные слова, показались мне очередным пустым звуком. Мне захотелось ему крепко, от всей души вмазать. Выместить злость за всех и за всё случившееся сразу. Как он смеет тут напиваться? Казанова и Леший точно почувствовали моё дикое, взвинченное состояние, быстро подошли ко мне да, положив руки на плечи, шепнули парочку успокаивающих слов. Я вздохнул и поёжился от озноба и, пересилив себя, стиснув зубы, стал ждать. Поп вылакал почти полбутылки. Затем взял полотенце и порезал его на лоскутки, добавил бумаги и стал напихивать всё это в бутылки с остальной водкой.

Леший засуетился подсовывая ему поочерёдно бутылки с коньяком, не пощадил даже виски, который притащил из буфета Казанова. Неожиданно поп крикнул и, прокашлявшись, приказал нам произнести вместе с ним молитву и, перекрестившись, сказал:

– Ну, с Богом!

Мы все вооружились бутылками с зажигательной смесью и разобрали все кухонные ножи. Топорики оказались лишь у меня и Казановы. С трудом зажгли единственную свечу, прежде освятив её водой из миски. Водой также смочили гу-

бы и глаза. Для отвода бесовского морока – так пояснил священник, и неожиданно мне захотелось узнать, чем он в действительности занимался в своей приходской жизни. Уж точно не проповеди читал, раз такой знаток чертовщины.

Мы гуськом поднимались по лестнице. Вокруг тишина, а холод будто бы даже слегка пощипывал кожу, и ступеньки под ногами скользили. Из приоткрытой двери в мастерскую струился грязный серый свет. Отчаянный, затравленный, как у придушенного хорька, детский крик заставил вздрогнуть. Светка тут же ринулась вперёд. Священник успел её остановить. Он зашёл в комнату первым и хрипло крикнул.

Куда ни посмотри, всё в мастерской покрывала белесая корка изморози и льда, даже на стенах красовался иней. А возле шкафа сидела Ленка, рядом с девочкой то самое круглое нечто, заметно разросшееся в размерах, точно яйцо, изнутри поражённое гнильцой. Вскрикнула Инга, стоящая позади всех. Лёгкий, удушливо пахнувший тухлятиной воздушный поток заставил жалобно затрепетать свечу в руках попа. Треск, звук паденья, затем сильный крик боли позади нас. Леший, стоявший прямо за мной, рядом с Наташкой и Светкой, собирался броситься назад, за Ингой, но не вышло. Резко хлопнула дверь, прищемив ему руку. Леший заорал от боли. Дверь снова резко распахнулась и закрылась – на этот раз плотно. Тихий смех, точно шуршанье сминаемой бумаги, идущий с лестницы, враз перерос в проказливое хихиканье, которое было слышно даже сквозь вой лешего, баюкающего

свою руку со сломанными пальцами. Инга (это точно была она) снова вскрикнула – и всё оборвалось тишиной.

Я, Казанова, Наташка, Светка и священник безуспешно пытались помочь Лешему. По лицу Лешего, прикусившего до крови губу, стекал пот. Снова щелчок. То круглое, что было возле Ленки, начало раздуваться, пока не треснуло. Брызнуло серой жижей, из трещин показалась трёхпалая лапа и сразу потянулась к девочке.

– Лена иди к нам, милая! – крикнули я и Наташка.

Светка наконец-то вырвалась из хватки попа и кинулась к дочке. Анатолий стал читать молитву и бросил пакет со святой водой в сторону существа. Бух! Пакет раскрылся в полёте, и капельки воды повисли в воздухе, словно зацепились за невидимую паутину.

Всего на мгновение вспыхнула свеча вместе с прорезью в небесах зарницы, и мы увидели круглую голову с выпуклыми глазами рептилии, всю в наростах и впадинках, напоминающую гнилой кратер луны. Светка от ужаса замерла на месте в шаге от дочки.

Ленка не реагировала ни на голос матери, ни на наш приказ.

Голова твари неожиданно втянулась обратно в скорлупу. А вот Ленка встрепенулась и, глянув по сторонам, заторможенно выдавила из себя:

– Мамочка?!

– Доченька, иди сюда! – дрогнувшим голосом позвала

Ленка.

С грохотом дверь слетела с петель, придавив Лешего. Размахивая руками, в комнату ворвался карлик, тут же сбив с ног Казанову, двинув ему головой в живот и по дороге оцарапав Светку когтями.

Священник вздрогнул и с сильным, бравадным криком:
– За господа!!!! – поджег фитиль одной из прикрученных к поясу бутылок едва тлеющим пламенем свечи и бросил зажигалку в карлика.

Я закрыл собой подбежавшую Светку с дочкой на руках. Наташка подпалила фитиль своей бутылки и тоже бросила её в карлика. Карлик зарычал зло, яростно и что-то сказал, какую-то невнятную тарабарщину. Скорлупа засветилась и разлетелась в одно мгновение. Теперь в комнате находилось круглоголовое существо с тонкими по-паучьи ногами с сочленениями, недоразвитым тельцем и несколькими парами трёхпалых рук- лапок. Наташка со стоном упала в обморок. Светка заорала так сильно, что задребезжали стёкла. Священник наконец-то помог Лешему зафиксировать сломанные пальцы. Я не знал, что делать. Нужно было помочь жене, но всё, что я сумел, это крикнуть Светке с дочкой бежать вниз и прятаться. Казанова, покачиваясь, встал на ноги. Кровь хлестала из его живота. Существо мгновенно оказалось возле попа и, раскрыв пасть, дунуло на него, точно из пожарного баллона, струёй синеватого дымка. Ноги попа подкосились, он упал, закрывая глаза. Волосы и кожу лица

мужчины, как гипсовым слепком, окутала корка льда. Светка стопорила, замерев на месте, – и Ленка на её руках от ужаса буквально душила её своими маленькими руками.

Я почти толкнул женщину, наконец-то выхватил из-за пазухи топор и с криком побежал к карлику. Проклятый карлик уже сидел в печёнках. Ярость затуманила мне мозги, поэтому страх исчез. Светка отпустила дочку, велев ей: «Прячься, милая, беги!» Затем с ножом в руке присоединилась ко мне. Заверещав, чудовище открыло пасть и бросило в её сторону огромную струю дыма. Женщина стремительно покрылась коркой льда. Я же, замахнувшись топором, промазал мимо ноги существа. Карлик выбрался из кольца огня. Обгорелый. Гадкий, со вздувшимися пузырями на лице и на черепушке, издавая едкое зловоние. Он встряхнулся, сорвав вместе с мясом прядь своих обгорелых волос, и нагло ухмыльнулся похабной ухмылкой акулы, раззявив рот чуть не от уха до уха.

– Дзинь, – сказал он и щёлкнул когтем по мёрзлой Светке. По телу женщины бегло растеклись трещины.

Я умудрился упасть на пол и, проскользив на коленях перед существом и снова размахнувшись, опустил топор на его тонкую, как спичка, ногу. Но сталь буквально высекла искры, сконтактировав с его кожистой плотью. Шипение – и тварюга, потеряв равновесие либо всё же от боли, таки повалилась на пол. Я снова замахнулся топором. Из горла твари вырвалась струя холодного дыма, рассеянно заморозила

пол, несколько картин Наташки и стену. Я моргнул, осмотревшись, – и снова извернулся по полу. Леший и раненый Казанова умудрились спрятаться за грёбаный шкаф. Хотелось истерически рассмеяться. Но я не сводил глаз с цели. Подбрюшьё тварюги выглядело каким-то нежным, подрагивающим и хилым.

– Остановись!!! – вдруг выкрикнул карлик.

– А то что? – залихватски выдавил я.

– Ранишь его, и поверь: никто не уйдёт отсюда живым.

Ни девочка, ни твоя женщина! – угрожающе, но очень убедительно прошипел, едва сдерживая гнев, карлик.

Я дёрнулся вперёд и с трудом остановился, когда услышал:

– Не надо, – слегка изменившимся тоном сказал карлик. –

Не причиняй птенцу боль.

Улыбка на лице карлика исчезла со щелчком, как если бы против воли закрылся смертоносный капкан. Я крепче сжал рукоять топора.

– Давай поторгуюсь, – предложил карлик.

Я внимательно смотрел на него, стараясь не упускать из виду «птенца». Так значит, он опасается за эту тварюгу. Что ж хоть какой-то плюс в возникшей ситуации.

Мы торговались. Я выдвигал свои условия, он – свои. Пока не пришли к компромиссу. Его доводы резали по живому. Как я ни старался, но карлик железно упёрся, что отпустит только тех, кого не выберет вылупившаяся тварь. Это была

рискованная цена выбора из наших жизней за спасение малой Ленки.

Что ответить на это? Ведь в живых и на ногах были только я и Наташка. Остальные тяжело ранены. Я сглотнул горечь во рту и, согласившись, кивнул, а потом сделал резкое, обманное движение и полоснул тварь по брюху. В лицо тотчас ударила вонь, кожу обожгло. Боль была резкой и опаляюще-жгущей.

Я взвыл и пытался извернуться от плевков холодного дыма из пасти птенца. Карлик истошно заорал и сграбастал первого, кто ему попался, под руку, – Казанову. Открутил ему, точно у марионетки, голову и стремительно облил горячей кровью существо. Рана на его повреждённом брюхе стала затягиваться.

Я попытался встать с пола, но мою руку прижали ногой. Мои глаза слезились. Лицо частично онемело. Хотелось только закрыть глаза и отрубиться.

– Лживый упрямец, мы же с тобой договорились! – прошипел карлик и пригрозил: – Теперь ты сильно пожалеешь! Левой рукой я с трудом сжал рукоятку топора.

Лишь чудом я снова увернулся от хладного дыхания твари, неожиданно бросившейся к так и не пришедшей в себя Наташке. Карлик уже заносил надо мною свои острые бритвы-когти, намереваясь полоснуть по горлу. Внезапно очухавшийся священник закричал что-то, кажется, на церковнославянском и быстро встал с пола. Он кинулся к карлику, вытас-

кивая из-под свитера потемневший от времени серебряный крест, и крепко прижал его ко лбу не успевшего ничего предпринять карлика. Карлик зашипел, пытаясь освободиться.

Я смотрел на него, топор в левой руке стал слишком тяжёл. Эх, нет у меня сил встать и к тому же поднять чёртов топор.

– Чего ты ждёшь!!! – злобно кричал священник.

Его крик вливался в уши точно сквозь пелену. Я сжал зубы и, качаясь, поднялся, затем с невероятным усилием смог поднять руку и ударить топором карлику в ногу.

– Ложись!!! – неистово орал Анатолий.

Птенец своими клешнями крепко держал Наташку, прижимая к груди. Вдруг он раскрыл пасть и со всей мочи дунул, целясь в нас, сизой дымкой. Мы с попом, как подкошенные, упали на пол. Мои волосы и частично кожа головы зазеленели.

На разукрашенной стене образовался круглый, серый, сочащийся влагой проём. Недолго думая, многозначительно переглянувшись с птенцом, карлик и его подопечный юркнули в проём и исчезли.

– Нет! Наташа! – закричал я, почти что всхлипывая. Пытался подняться с пола, но тело не подчинялось командам мозга – и я не мог встать.

– Давай, приди в себя! – приказал поп. – Они ещё в доме, потому что ослабли. Я знаю, – уверенно сказал он и криво ухмыльнулся, затем помог мне подняться.

Мы нашли Ленку в чулане под лестницей. Она уже не плакала, тихонько сидела, стуча зубами и сжав кулачки.

Небо за окном слегка прояснилось, выявляя светлые предрассветные пятачки. Только ещё бушевал напоследок, раскачивая ветви кустов и деревьев, неохотно стихающий ветер... Мы обыскали весь дом и снова поднялись наверх. Дверь в мастерскую плотно сидела в проёме, напоминая гранитный монолит. Я скулил, как побитый щенок, пытаюсь вломиться внутрь, повторяя про себя, как молитву: «Наташка, Наташка...»

Леший, с избитым лицом и покалеченной рукой, ковылял нам навстречу из спальни. Бледный, испуганный, он там прятался в полузабытьи, точно зверь, и теперь едва понимал, что вообще происходит. Но упрямо подошёл к нам, тут же взяв на руки хныкающую и зовущую маму Ленку.

Мы со священником злобно махали топорами. Металл с лязгом высекал искры из бывшей деревянной двери. Я завыл.

Неожиданно дверь бухнула внутрь, мы едва не влетели в мастерскую вслед за ней. Вся комната в предрассветном свете была залита кровью, грязью и ослизшей слякотью, точно в испражнениях гигантского слизняка. Стены, потолок, окна – всё вокруг оказалось замарано, а вот шкаф исчез.

Из моего горла вырвался дикий стон, от отчаяния хотелось биться лбом о стену. Наверное, я всхлипнул. На плечо легли совместно руки священника и подрагивающая ладонь

Лешего.

– Ещё не всё потеряно, сынок, – успокаивающе произнёс священник.

А я гневно стукнул кулаком об стену.

– Что делать, что же делать! – крикнул я.

– Мы с тобой до конца чувак, – произнёс Леший.

Я вздохнул и обнял его, чувствуя на глазах предательские слёзы.

Наглотавшись обезболивающих таблеток, как могли, обработали раны. Накормили и напоили Ленку. Пришлось ей дать немного снотворного, чтобы успокоилась и перестала звать маму.

Я находился точно в кошмарном сне, когда события неподвластны и вокруг творится какая-то запредельная херня. Только вот это была горькая реальность. До жути хотелось просто закрыть глаза и погрузиться в спасительное забытьё, где нет ничего: ни воспоминаний, ни боли.

Но отдых сейчас являлся непозволительной роскошью. Вызвать полицию представлялось панацеей от раковой опухоли. Священник молчал, нахмутив лоб, всё думал и думал да пил очень сладкий кофе, то и дело накручивая на палец неухоженную бороду. Наконец, сказал:

– Собирайтесь, берите все, что я вам скажу, да крепитесь духом, потому что сейчас мы поедем туда, откуда всё началось, – в Петровку. Пока ещё не поздно, – задумчиво оборонил он и поставил пустую чашку на стол.

– Ваше дело – раздобыть нам транспорт. На мне всё остальное. Через час будьте, как штык, возле моего дома, – пояснил Анатолий, бледный и невыносимо уставший, с запавшими от потрясения глазами.

Мы кивнули. Он вздохнул и спокойно вышел через дверь кухни, забрав с собой спящую Ленку, обещая пристроить её в церквушке на время.

– Вот бы нам ПМ Казановы, – тоскливо сказал Леший.

– Да уж, пригодился бы, – отчеканил я и, собравшись побыстрому, вспомнил, что у Сергея Ивановича была старая «волга», времён лихих девяностых. Стояла себе в гараже.

Рыться в вещах тёщи было неудобно, а потом нахлынула апатия. Странная и отупляющая. В голове от принятых обезболивающих царила полная кутерьма. Ну и чёрт с ним. Короче, пришлось нам троим выбираться из деревни в повозке, запряженной чалой лошадю, которая стояла в ветхой конюшне, хозяев которой мы так и не обнаружили. Я угостил лошадь лежавшим на сене яблоком и сухим хлебом, и мы поехали в город.

По дороге лишь лужи, потрёпанные деревья с облетевшей листвой. У некоторых дряхлых домов были снесены напрочь крыши. Вокруг ни души. Гнетущая тишина, да ветер гоняет по небу рваные тёмные тучи.... В шесть утра мы прибыли в город, оставив лошадь в близлежащем парке. Пешком добрались до дома Клавдии Петровны, благо что от парка недалеко. Ещё полчаса искали в квартире ключи от гаража.

Священник успел сделать бутерброды нам в дорогу, запастись ликёром из квартирных запасов тёщи. Она этот ликёр страсть как любила, и соли захватил у неё на кухне ещё пару пакетов. Одержимость не иначе у него этой солью, наверное. Покопавшись в буфете, поп стянул несколько серебряных вилок и ножей. Из того самого старинного комплекта, который был предназначен для приданого Наташке, но так и не стал им из-за нелюбви тёщи ко мне, конечно же.

Хозяйственный поп ещё умудрился за время поиска ключей заварить термос чая и второй с кофе нам в дорогу.

Итак, мы разношерстной компашкой, с виду, наверное, смахивающих если не на террористов, то на беженцев или лишенцев, мать их, могли при встрече напугать кого-угодно и заставить безоговорочно вызвать полицию. Но нам везло.

С утра видели во дворе лишь пару алконавтов да угрюмого дворника, лениво машущего метлой, сгребая сор и редкие листья из стороны в сторону.

«Волга» в пыльном гараже завелась с первого раза, потарахтела мотором и повезла нас в путь-дорогу. Мы молчали, да нервно жевали себе бутерброды, и пили чай, потом поочередно дремали, сменяя за рулём друг друга.

Вместо того чтобы объяснять нам план дальнейших действий, Анатолий начал рассказывать, чем занимался при жизни до того, как его отлучили от церкви за беспробудное пьянство и учинение беспредела и последующего сквернословия лицам, носящим вышестоящий сан.

А ещё он сказал, что знал человека, который называл себя экзорцистом и который приехал в наши края из самого Ватикана, так сказать, отойдя от дел.

Экзорцист был одноглазый и хромой, весь седой и испещренный морщинами, а в прищуренных, постоянно слезящихся глазах вместе с застарелой болью сияла бездна. Священник пояснил, что такой взгляд мог выдержать не каждый, а я был из тех немногих, кто мог, возможно, поэтому и попал в прицел внимания экзорциста.

– Быть может, мне никогда бы не довелось воочию столкнуться с бесами и чертовщиной, если бы не один случай с ведьмой. Да, именно с ведьмой, – продолжил Анатолий, заглатывая десятый по счёту бутерброд с колбасой. Он сидел на заднем сиденье и, вместо того чтобы дремать, всё вещал свои басни.

– То случилось в тёмную ночь, когда на небе не было видно ни единой звезды. В мой скромный дом постучали. То пришёл Экзорцист – Симон, или Семён по-нашему. Он запыхался и был донельзя взволнован, да стоял, пошатываясь, с увесистым чемоданом в руке. Усталым голосом попросил меня о помощи.

Анатолий снова отпил из крышки термоса чая, кашлянул и продолжил:

– Тогда за нашей деревней, где сейчас извечный пустырь с бурьяном да разросшимся терновником, располагалась маленькая деревенька «Выселки». Вот там-то и приключилась

беда. – Он вздохнул. – Ну, не стану утомлять вас подробностями, но суть дела была в том, что сельчане приютили явившуюся с болот женщину, накормили, напоили, пригрели, а она, очухавшись, устроила лютый мор. Сначала неизвестная хворь положила животных, так как потом выяснили, она втихую попивала их кровушку, а затем пришлая принялась за людей. Жившие в Выселках люди поздно поняли, в чём дело. Трое крепких сельчан полегли в неравной борьбе против ведьмы. Страх затуманил всем оставшимся разум. А стариков и мужей объяла похоть да жажда крови. Учинилось безумство, полилась под хохот ведьмы людская кровь. Только единственный мальчик успел сбежать к нам в деревню. Он встретил по пути собирающего целебные травы в окрестностях болот Семёна, которому в предстоящем деле срочно понадобился помощник из-за собственного немощного тела, да и возраст брал своё.

Священник вздохнул и принялся хомячить последний бутерброд.

– Мальчик остался в его доме, а сам Семён отправился ко мне за помощью. Вот так я попал в Выселки и лично участвовал в схватке с ведьмой. Если не верите, то глядите-ка, тварь выкусила у меня солидный кусок мяса, – поднял он залатанную рубаху и показал на боку жуткий шрам с явным отпечатком зубов.

– Ух, ты! – высказались мы с Лешим.

Священник враз вырос в наших глазах.

– К сожалению, эта история на том деле с ведьмой не окончилась. Семён ослеп на оба глаза и лишился руки, которую проклятая ведьма из-за моих нерасторопных действий напроочь зубами оттяпала. Но мы смогли-таки обезвредить её, заперли в круге соли, проткнули осиновым колом, отрубили голову, а тело спалили, облив керосином и святым маслом для лампадок. Ух, как она пылала... Как выла её отрубленная голова, пока из тела лезли черви, опарыши и гадюки. Всех пришлось мне бить топором и отбрасывать снова в огонь, пока они от жара не лопались, как гнойные пузыри. Вот так я и стал его учеником. А разве я мог отказать после всего, что увидел?.. Глядя на себя в зеркало, – задумчиво говорил священник. – Я не смог избежать ответа на вопрос: кто же, если не я? И стал я заниматься экзорцизмом и борьбой с нечистью. Чего только мне ни удалось повидать за тридцать лет. Со старостью пришёл страх и кошмары, поэтому запил. – Анатолий тяжело вздохнул. – Может быть, я сдался. Но, в общем... Я там, где сейчас.

Он резко замолчал и отвернулся, уйдя в себя. Леший задремал. Я же молча повернул на просёлочную дорогу, несколько минут проведя в задумчивой тишине, а потом сказал.

– Вы сейчас с нами. Кто знает, если бы вы не решили помочь, то выжил бы хоть кто-нибудь?.. С вами у нас хотя бы есть шанс.

Я глубоко вздохнул, ощущая облегчение, оттого что вы-

сказался.

Небо темнело с каждым километром вперёд. Не хотелось думать, что как приедем в деревню, то снова разразится гроза. Собственные мысли угнетали. Но большее и страшнее всего было незнание, как там Наташка. Жива ли? Что могут карлик и тварь сделать с ней? В горле встал ком. Наконец впереди показалась знакомая развилка.

– Итак, больше не спать, – сказал поп – и стал вслух читать молитву, благословляя нас в тяжёлом начинании. Голос Анатолия неожиданно успокаивал.

Мы миновали лес и точно врезались в темноту. Брошенные дома мёртвыми окнами нагнетали жуть. Воздух в деревне как наэлектризованный. Душно. И внезапно появилось противное, скребущее между лопаток ощущение, что за нами следят сотни злобных глаз. Мы были готовы ко всему, а за дорогу выучили несколько молитв. Вооружились. Надели на шеи простенькие крестики на шнурке. Каждому достался топор, керосинка, несколько коробков спичек (раз чудовище умеет играть с электричеством). Для поднятия боевого духа мы выпили святой воды да спрятали под одежду резиновые грелки со святой водой, взятые из квартиры тёщи, вместо громоздких пластиковых бутылок, привязав их верёвкой под одеждой. Также насыпали в карманы соль, запихнули туда же серебряные вилки и ножи. Анатолий приготовил наши керосинки, засыпав в лампу к керосину сушёного ладана.

Вскоре наша «волга» сама по себе заглохла.

Мы пешим ходом осторожно продвигались на холм. Как по злой воле, снова начался дождь. Дом на холме укрывала зловещая сизая дымка. Священник сказал:

– Они знают, что мы пришли.

Прозвучало банально, как в дешёвом ужастике, оттого хотелось горько рассмеяться.

Я покрепче сжал рукоять топора. Леший, между прочим, высказал здравую и прямо очень утешающую мысль, что идём напрямик в ловушку. Но другого варианта у нас и не было. Стоило войти за калитку, привычный мир потерял очертания, лишился звуков, запаха, кроме едкой горечи, разъедающей нос. Мы упорно шли дальше. Входная дверь была приоткрыта, словно приглашая войти в дом.

Узкий коридор превратился в тупик, завейанный сизой дымкой. Мы битый час ходили туда-сюда и снова возвращались к входной двери. Сердце то и дело хватала тоска, а беспросветное отчаяние пожирало душу. Стены вокруг сочились влагой и веяли холодом. Мне то и дело казалось, что ноги вязнут в чём-то гадком.

– Бросайте соль, – неожиданно сказал Анатолий и первым бросил горсть на пол. С шипением сизое марево таяло. Мы очертили солевой дорожкой себе путь. Зажгли керосинки. Запах ладана прояснил мысли. Все двери во внутренние комнаты точно нарочно были открыты. Дом раскрыл пасть и настойчиво поощрял нас стать его ужином.

Керосинка нещадно коптила. Стены, куда ни глянь, вез-

де были сырыми. Мы обошли все открытые комнаты. Внутри пусто и даже мебели нет, точно и не жили здесь вообще. Тихий шорох наших подошв по полу сменился резким скрипом старых половиц. Кухоньку обозначала лишь печка, вымазанная в саже. Снова шорох где-то за спиной. Мы замерли. Снова нещадно закоптила керосинка – и в этот момент из приоткрытого погреба, как пружина выскочила тень. Карлик сбил с ног Лешего, вцепился ему в волосы и стал когтями полосовать лицо. Хлестала кровь. Мой кореш кричал, пытаюсь отбиваться одной рукой. Я бросился на карлика с топором и вонзил лезвие ему в спину. Карлик оторвался от Лешего и кинулся, точно пёс, на нас с попом. Анатолий щедро сыпнул ему в лицо соли. И мы остервенело рубили его топорами, забрызгав свою одежду и лица кровью. Но дело было сделано. Карлик больше не поднимался, лежал исковерканной грудой мяса.

Леший от колотых ран едва мог держаться на ногах. Он завывал от боли, глаза друга практически остекленели. Я снял футболку, и мы перевязали его как могли. На лице моего друга лоскутками свисала кожа. Я порвал и его майку на бинты, радуясь лишь тому, что шея Лешего практически не пострадала. Пришлось оставить его на кухне, в защитном, пусть и простом круге из соли.

В погребе было темно и пусто. Слишком мало места, чтобы развернуться, тем более кого-то держать. Свет керосинки осветил ступеньки и деревянные полки со всякой хернёй:

банками, склянками и бутылками, в которых плескалось бог весть какое ужасное содержимое.

Мы снова бродили по дому. В некоторых местах в узком коридоре у меня отчего-то сжималось сердце и холодело всё внутри. Недоброе предчувствие сковало меня по рукам и ногам, и поэтому я ничего не мог делать. Неужели снова придётся идти в подвал и искать там?

Внезапно я замер на месте, а Анатолий тихо молился. Я вздрогнул, отчётливо услышал тихое: «Саша, помоги». Голос Наташки.

– Ты слышал? – спросил я у Анатолия.

Он покачал головой и, закончив молиться, переспросил меня, о чём это я. Я сказал, что слышал голос жены.

Священник вдруг замер на месте, точно его осенила некая идея – и велел показать место, где я слышал голос Наташи. Всего пару шагов назад – и мужчина сразу сказал:

– Ну-ка, сыпни сюда соли.

Я бросил соль как раз в то место, где коридор поворачивал. Неожиданно белые крупинки зависли в воздухе и отскочили назад, точно ударились обо что-то невидимое, затем шлёпнулись на пол. Священник немедленно перекрестил воздух. Громогласно крикнул что-то на старославянском да сыпнул ещё соли, и вдруг всего на мгновение, но мы увидели зыбкие очертания шаткой лестницы, ведущей на чердак.

– Как я скажу, – приказал священник, – то коснись чем

угодно серебряным препятствия. – Раз, – сказал он и вытащил из-под рубашки потемневший от времени тяжёлый серебряный крест.

Мы одновременно дотронулись до воздуха. Но, стоило серебряной поверхности вилки и креста коснуться намеченного места, у нас с глаз точно пелена спала, и мы чётко и ясно увидели очертания лестницы.

– Нужно спешить, – прикусив губу, выдохнул Анатолий и прошептал почти мне на ухо: – В доме находится очень сильное зло, природу которого я не могу постичь. Не знаю, как долго сработают мои уловки и познания. Крепись, сынок, – только и сказал он, и мы стали подниматься.

Ступени предательски скрипели под ногами. Лестница покачивалась и трещала, точно в шторм на корабле, приходилось то и дело хвататься за перила, чтобы не упасть.

Чердак был узким и пыльным. Единственное окно практически заколочено. В свете возле него, в центре мелового круга, отливающего нездоровым светом, точно зеленоватая гнилушка, сидела обнаженная Наташка, с кляпом во рту и связанными за спиной руками. Точно дитя, устроив свою одутловатую голову у неё на коленях и поджав под себя по-паучьи тонкие, не до конца отросшие ноги, с Наташкой обосновалось существо.

В свете керосинки, я увидел вытаращенные от ужаса глаза жены, в немой мольбе уставившиеся на меня и одновременно на что-то за моей спиной. Сработал инстинкт, но по

нелепости я затормозил и не успел вовремя предупредить об опасности Анатолия. Сверху, подобно летучей мыши, на меня спикировал хозяин дома, тот самый тощий высокий мужик, продавший нам шкаф. Он опрокинул на пол Анатолия, а я, издав надсадный звук, успел пригнуться от сизого дыхания существа, направленного в мою сторону.

Они скрутились в клубок, точно два ужа. Поп размахивал крестом, целясь выдвинутым из нижней грани острием противнику в глаза. Я не мог ему помочь. Птенец в который раз выбрал своей целью именно меня.

– Наташа! – громко крикнул я, сам не зная чего ожидая в ответ.

Жена дёрнула головой. Глаза выпучились, точно у лягушки. Она пыталась встать, но безуспешно.

Тварь снова пыхнула на меня струёй сизого дыма. Я уклонился, припал на пол животом, но тварюга уже была рядом. Последний взгляд на её морду, вот же твою мать! – полная пасть зубов, острых и тонких игл, которыми устраивают сеансы мастера нетрадиционной медицины. Затем она припечатала меня своим телом, тяжёлым, как столетнее бревно. Ослизший язык обжигал и сдирал кожу, заржавелой наждачкой. Чудовище стало полосовать мне спину. Я отчаянно пытался вырваться, извернуться. Не удавалось ни выскользнуть, ни прицелиться топором, чтобы размахнуться в полную силу.

– Сашка, шкаф! – надрываясь, прокричала Наташка.

Священник всё ещё боролся с хозяином дома. От его рубахи остались окровавленные клочья, но и хозяину дома досталось не меньше: его лицо напоминало оплывшую сливу, разбитые губы кровоточили. Но, тщедушный с виду, засраонец всё равно злобно скалился.

Похоже, его, как холеру, не брали ни соль, ни распятие, ни святая вода. Наверное, лишь Господь Бог, вмешавшись, мог бы нам помочь одолеть супостата. Но ни его нет рядом, ни крылатых ангелов с огненными мечами в руках.

Зубы чудовища лязгали напротив моего лица, заливая его слюной. Птенец, видимо, играл со мной, не собираясь замораживать, а намереваясь помучить и съесть живьём – такой я вынес вердикт, глядя в его голодные глаза без зрачков.

Смазанным ударом топор проехался по его брюху и неожиданно мне на удачу отсёк ему один из трёх пальцев на стопе.

Чудовище взвыло, предоставив мне передышку. Я умудрился вытащить из кармана щепотку соли и бросить ему в глаза, затем, кряхтя, сорвал из верёвочных креплений под рубашкой грелку со святой водой и, открутив крышку, пятясь к стене, щедро облил тварюгу.

Птенец злобно шипел и с ненавистью плевался во все стороны струйками сизого дыма.

Я пытался вытащить Наташку из круга, но раз за разом терпел неудачу. Сколько ни старался перешагнуть меловую черту, так и не смог. Всё натыкался лбом на невидимую сте-

ну. А моя Наташка обессиленно ползала внутри и тоже не могла выбраться наружу. Отчаяние грозило вот-вот свести меня с ума.

О нет... Священник лежал на полу, пришпиленный, точно жук, неким костным наростом, по-видимому, росшим прямо из поясницы хозяина дома взамен хвоста.

И этот гад смотрел прямо на меня и ухмылялся, а ослеплённая тварь, замершая на месте, всё пыталась своими недоразвитыми пальчиками протереть глаза, при этом неистово повизгивая от злости и разочарования.

– Жалкий кусок мяса, твои потуги тщетны, лишь разжигают наш аппетит! – снисходительно, как червю, сказал мне хозяин дома и со щелчком развернул свою голову вокруг оси, как если бы она была прикручена на шарнирах. Его вязаная шапочка съехала к макушке, скособочилась и упала, обнажив огромную пасть у него на затылке. Пасть чавкала и агукала да пускала обильные слюни.

– А-а-а! – в панике и омерзении, не щадя глотки, заорал я, пятясь к стене и мечая по комнате взгляд. Как ни прискорбно, но чаша весов перевесила не в нашу пользу.

Священник лежал на полу, в луже крови. Наташка – в ловушке, в круге. Что было мне делать теперь, я даже не представлял. Отчаяние душило, надежда угасала, как падающая с неба звезда. Всего лишь на мгновение я закрыл глаза, взяв передышку, вздохнул, набираясь сил, – и впервые в жизни искренне взмолился, говоря про себя от всего сердца: Гос-

поди, Боже мой, очень прошу тебя, помоги мне сейчас.

Керосинка на полу мигнула и вдруг ярко разгорелась. Я снова вздохнул, открыл глаза и почувствовал, как страх, минуту назад сковавший льдом сердце, исчез. Пришла уверенность в своих силах. Отчаяние больше не довлело надо мною. Я точно знал, что делать.

Я взял керосинку в руки и, наблюдая за расширяющимся, бегающими в панике глазами Леопольда, бросил её, целясь снарядом в шкаф.

– Не-ет!!! – надрывно завопил он.

Взрыв. Бухнуло, растекаясь по дереву неземным синим огнём. Шкаф запылал сухим поленом от удара грозы. Дикий вой, яростный стон стаи бешеных псов вихрем пронёсся по комнате, резанул по ушам, поколебал былую уверенность. Задражали колени, ноги подкосились, и я чуть не упал.

Не знаю, откуда вновь появились силы устоять на ногах, точно кто-то сверху, неожиданно откликнувшись, пришёл мне на помощь. Я взял с пола топор и побежал, замахиваясь – и в прыжке атлета, одним точным ударом снёс с плеч двуликую голову Леопольда. Последние мгновения жизни он, точно громом поражённый, истуканом стоял на месте, защищаясь, выставив вперед трясущиеся руки, будто видел перед собой не меня, а кого-то другого – заклятого врага.

Обезглавленный труп вспыхнул, скукожился и истлел. Птенец вздрогнул, конвульсивно дёрнулся и с тихим стоном зашатался и рухнул. Шкаф полыхнул голубым и осел на пол,

проваливаясь на ножках. Скорчившись, точно исторгнутый из чрева эмбрион, птенец поджал под себя лапы, стал открывать клюв, точно никак не мог вздохнуть, а затем просто взорвался, обдав комнату ошмётками плоти и серой вязкой жижой.

Я выдохнул, чувствуя, как иссякли силы, а усталость заполнила собой всё тело, отозвавшись ноющей болью в каждой кости.

Шкаф всё горел, но пламя из сине-голубого приобрело естественную жёлтую окраску. Тихо застонал Анатолий. Наташка смогла выползти из круга. Её плечи подрагивали от душивших рыданий. Она вообще не могла подняться на ноги.

Пришлось взять её на руки. Анатолий, покачиваясь и кряхтя, сплевывая кровь на пол, таки встал. Мы почти что кубарем скатились по лестнице, спасаясь от разбушевавшегося огня, охватившего чердак. По пути с горем пополам вытащили из стремительно заполняемого огнём и дымом дома Лешего. Не помню, как добирались до машины. Наверное, у всех разом открылось второе дыхание.

Священник в салоне машины выглядел так, что краше в гроб кладут. Дрожащая Наташка закуталась в старое и вонючее одеяло, которое эдаким прибабасом оказалось в «волге». Леший казалось, задремал, но его лихорадило и знобило. Кореш стонал, клацал зубами, и из его закрытых глаз капали на лицо слёзы.

В зеркале над приборной панелью я разглядел своё лицо: правый глаз заплыл, а волосы с левой стороны черепашки полностью слезли, обнажив нездорового трупного цвета кожу. От собственного кошмарного вида я зябко повёл плечами и отвернулся.

Лишь раз я оглянулся назад, въезжая в неприветливый лес, навсегда покидая деревню. Ослепительная вспышка молнии, точно божий перст, ударила прямо в холм, где стоял проклятый дом, наверняка дотла испепелив его. Надеюсь, что небесное пламя, охватившее пропитанные злом стены было в сто крат горячее, чем в аду.

Я гнал в город, к больнице, выжимая из «волги» все её лошадиные силы. Наташка лежала в отрубке. До Лешего было не достучаться. Друг то проваливался в сонный бред, то снова возвращался в реальность, отупело моргая и пуская слюни, припадочно колотясь всем телом, едва ли понимая, где он находится.

Священник был совсем плох: хрипел, стонал и не приходил в себя – и я не знал, успею ли я добраться до больницы.

В больнице Анатолий неожиданно пришёл в сознание и крепко схватил меня за руку, сжал пальцы и заставил пообещать, что я вернусь в его дом и заберу спрятанные дневники из погреба. Также он заставил меня пообещать, что я найду, кому передать накопленные им знания. Хм. Приказал, чтобы я учился сам. Затем, с облегчением улыбнувшись, он благословил меня и отдал богу душу.

Единственным лучиком света в этом кошмаре было то, что моя жена, не ведая того, уже почти месяц как носила под сердцем малыша. Поэтому тварь и выбрала её для себя.

Да, я всё-таки стану отцом!

Мой новый дом сгорел дотла, как и пара домов в деревне. Из-за стихийного бедствия закоротило проводку. К слову, половина жителей деревеньки как сквозь землю провалилась. Хотя пару обезображенных трупаков и разномастных частей тел неожиданно нашли в лесу да в заброшенных огородах. Очередной висяк следственного отдела. Наша с женой своевременно оформленная страховка покрыла весь полученный от пожара ущерб.

Теперь, по-новому переосмыслив свою жизнь, уже никогда не будешь таким, как прежде, не верующим в чудеса и всеблагое добро. Я твёрдо знаю, что есть Бог на свете и милость его не знает границ, хотя все пути его были и останутся неисповедимы.

Потому что первое из дарованных мне сверху чудес – это спасённая жена, второе – здоровая дочка, и третье чудо – верный друг Лёшка, который даже после всего пережитого, с искалеченной рукой и залатанным пластическим хирургом лицом, не отвернулся от меня, не бросил мою семью на произвол судьбы, а стал крепчайшим оплотом нашей давнишней дружбы.